

ВАМПИРИЯ
ДВОР
УРАГАНОВ

18+

ВИКТОР ДИКСЕН

Young Adult. Вампирия

Виктор Диксен
Двор Ураганов

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

Диксен В.

Двор Ураганов / В. Диксен — «Эксмо», 2022 — (Young Adult. Вампирия)

ISBN 978-5-04-167984-2

Торговля с Америкой, которая веками обеспечивала богатством Магну Вампирию, находится под угрозой. Крупнейший за всю историю груз золота оказался в руках пиратов во главе с самым отъявленным головорезом. Капитан Бледный Фебюс сеет ужас на всем Атлантическом побережье! Чтобы переманить кровожадного пирата на свою сторону, Людовик Нетленный приказывает своей фаворитке выйти за него замуж. Любимица короля – Жанна – на самом деле состоит в секретной организации, мечтающей свергнуть Короля Тьмы. У повстанцев свои виды на союз девушки с пиратом. Ведь помимо преимущества в борьбе с верховным вампиром, у них появится шанс помешать Людовику заполучить драгоценный камень, из-за которого весь мир поглотит тьма...

УДК 821.133.1-312.9

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-167984-2

© Диксен В., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	10
2	17
3	25
4	32
5	41
6	50
7	60
8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Виктор Диксен Двор Ураганов

Посвящается Е.

Victor Dixen
Vampyria, livre 3: La Cour des Ouragans

© Éditions Robert Laffont, Paris, 2022
Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associated

Freedom

© Исхакова С.Р., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*И море, и любовь на вкус горьки.
Солены волны моря, как и слезы любви.
Потоки бурных чувств вздымают волну,
Морская пучина всех призовет ко дну.*

Пьер де Марбеф – Сборник стихов (XVII в. христианской эры)

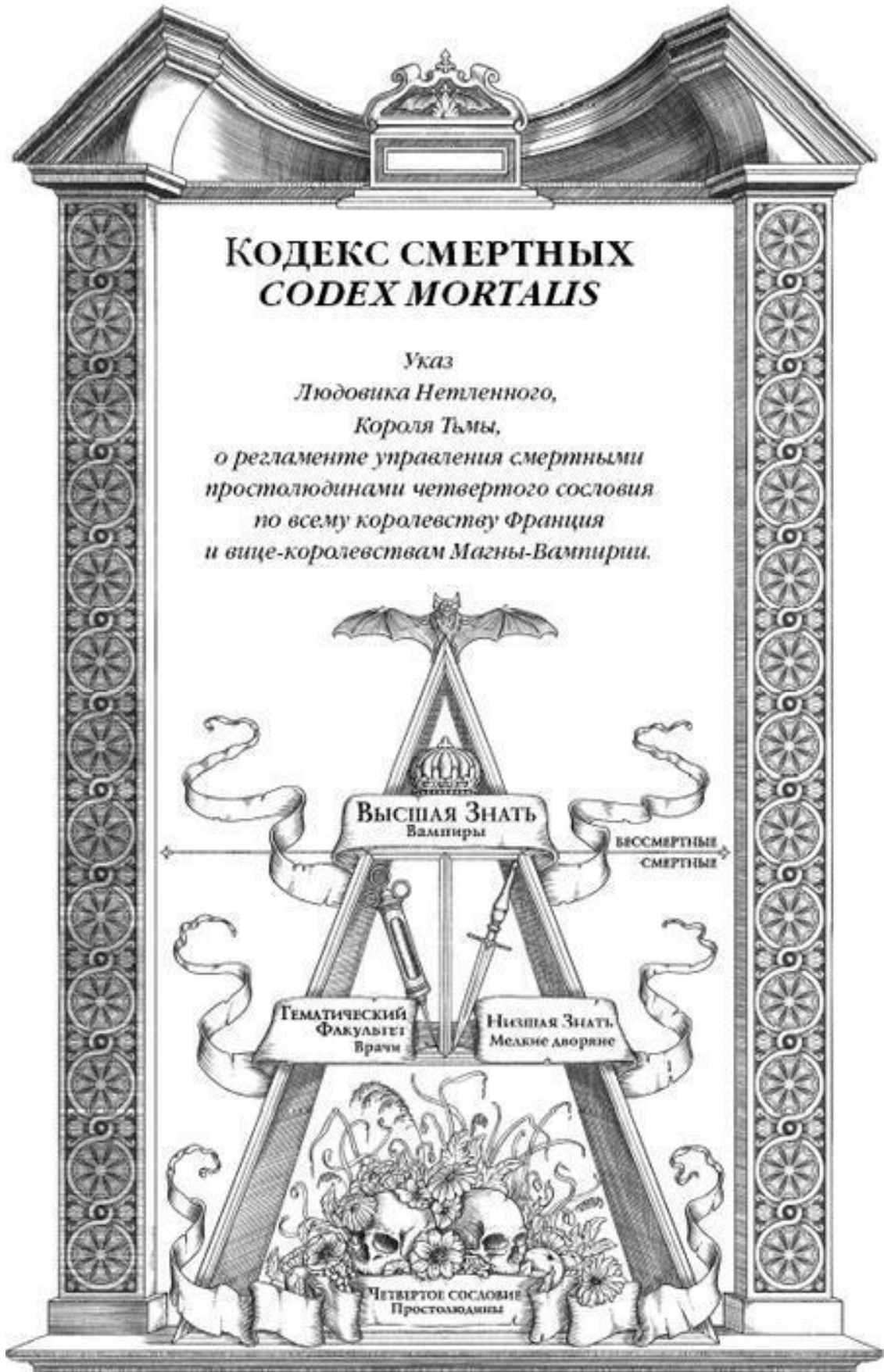

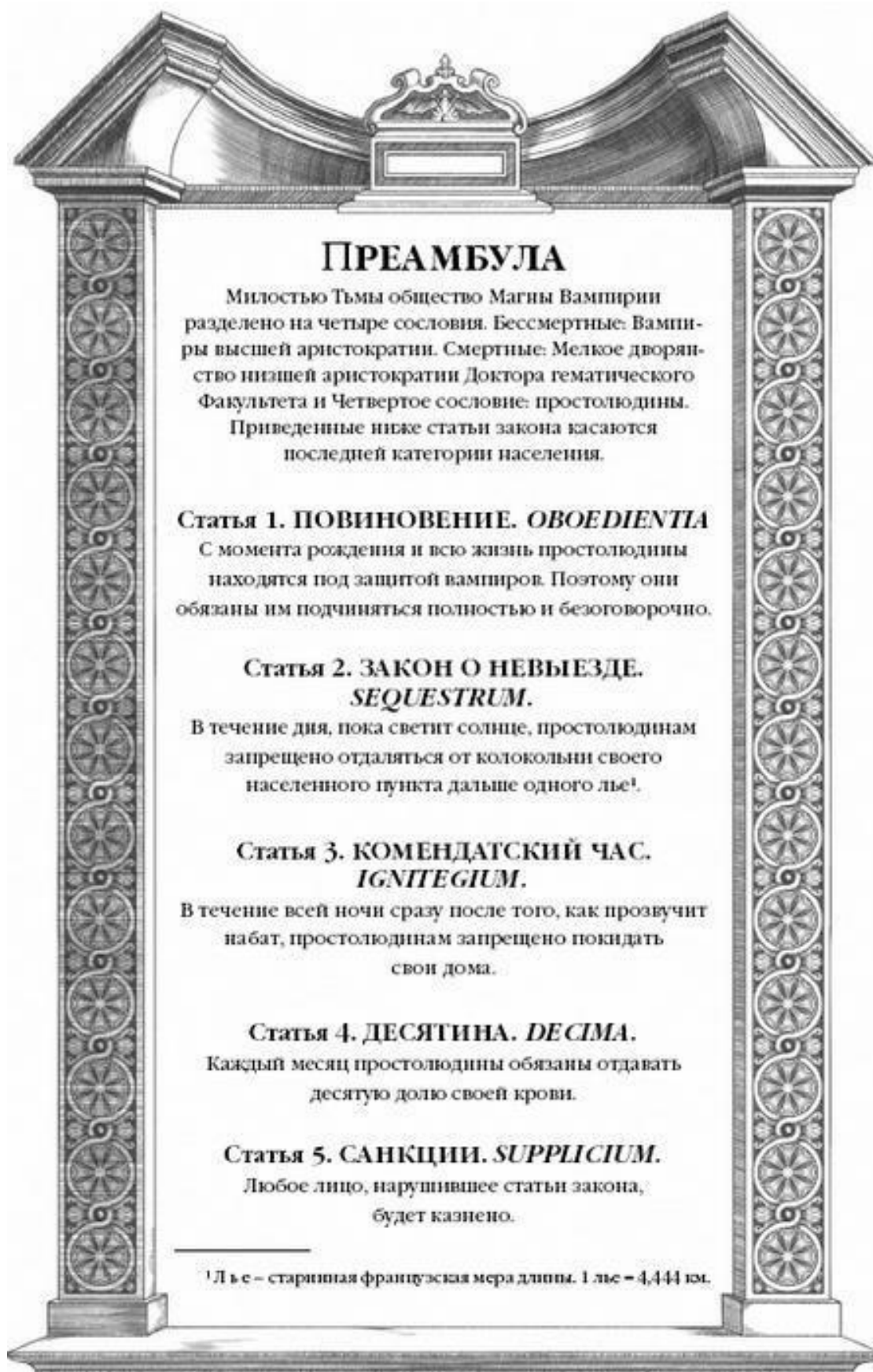
*Эй, бросайте игральную кость!
Сейчас мы узнаем, кому пустим кровь!
Ахой! Ахой!*

*Морской черт хохочет, а юнга в слезах!
Пощады не будет! Ты в наших клыках!*

Ахой! Ахой!

Песня корсаров-вампиров (III в. Эры Тьмы)

лье¹.

¹ Лье – старинная французская мера длины. 1 лье = 4,444 км.

1

Наказание

– Где наше золото? – Прорычал король тьмы.

Замогильный голос проник сквозь неподвижные губы золотой маски, которая на протяжении трехсот лет скрывает его лицо от всего мира. Массивный трон, на котором он величественно восседал, также был из золота; кроме того, позолочено все убранство салона Аполлона, от потолка до пола. В этом зале достаточно драгоценного металла, чтобы отлить короны для сотни монархов, но недостаточно, чтобы насытить королевского людоеда, чей аппетит к роскоши и крови не знает границ.

– Где Наше золото? – повторил он тоном ниже.

Фигуры присутствующих, склонив почтительно головы, замерли у покрытых бархатом ступеней, ведущих к трону. В первом ряду три вампира благородного происхождения, их легко распознать по оттенку бледной кожи и красным каблукам; позади них шесть смертных аристократов. У последних лица испещрены шрамами. Один из них опирался на костыли, другой придерживал перевязанную руку в плотном биндаже.

Вот и все, что осталось от французской флотилии в Америке, когда-то вооруженной тридцатью кораблями: дюжина жалких офицеров и горстка уцелевших матросов, ныне прозябающих в богадельнях Версаля.

– Враг застал нас врасплох, Ваше Величество, – пробормотал самый крупный бессмертный – верзила со сгорбленной от стыда спиной, усталым лицом, завешанным бублями тяжелой каштановой шевелюры. – Мы боролись из последних сил, но были подавлены.

– Ваши иеремиады² не ответили на Наш вопрос, Мариньи, – отрубил, словно секирой, сверхчеловеческий металлический голос главного вампира. – Вы действительно хотите, чтобы Мы повторили его в третий раз?

Ряды придворных, собравшихся в тронном зале, содрогнулись. Эта ночь – 19 марта 300 года Тьмы должна была прославить великолепие Франции. В последние месяцы в кулуарах Версаля шептались, что флотилия привезет из Америки самый сказочный груз золота, когда-либо вывезенный из колоний, находившихся по ту сторону Атлантического океана. Плод, полученный в результате нескольких лет добычи из шахт Мексики и Бразилии и выплаченный Нетленному в качестве дани вице-королевствами Испании и Португалии. Предвкушая роскошный прием, придворные дамы украсили свои шиньоны накладными локонами в форме галеонов, настолько высоких, что они с трудом проходили в дверях.

Но сегодня адмирал Мариньи предстал перед Королем, Двором и оруженосцами с пустыми руками. Я, Диана де Гастефриш, принадлежала к этой элитной группе: охране Людовика Нетленного. Стоя у основания трона рядом с пятью напарниками, я из первых рядов наблюдала за унижением уцелевших в битве.

– Нет, Сир, не беспокойте себя повторением вашего вопроса, – раболепно ответил адмирал Мариньи. – Я вам все объясню. – Он прочистил горло. – Как и было намечено, флотилия прошла на север Лукайских островов, держа на расстоянии своих пушек флибустьеров³, которые веками, словно черви, заражали этот район. Но там, в самом центре Бермудских островов, нас накрыл страшный шторм, ставший прелюдией к еще большей опасности: пиратам в небывалом количестве. Легионы корсаров⁴ хлынули потоком, как будто сам ураган изрыгнул

² Иеремиады – горькие жалобы, сетования.

³ Флибустьер – (ист.) морской разбойник, пират.

⁴ Корсар – пират, имевший официальное разрешение от государства на грабеж торговых и военных судов вражеских держав.

их из своего чрева! Ваше золото... находится... гм... Оно осталось в руках их главаря. Капитан Бледный Фебюс – так называет себя этот демон с ликом юноши. Вероятно, он родился где-то на восточных берегах Америки, а спустя всего несколько лет превратился в самого опасного головореза в океане. От Малых Антильских островов до Кейп-Кода самые лютые корсары не осмеливаются вслух произносить его имя, ибо он грабит как торговые судна, так и корабли пиратов.

Повисла гробовая тишина. Смертные придворные затаили дыхание. Бессмертные перестали дышать задолго до этого. Лишь биение часов разносилось по тронному залу, зловещее «тик-так», в ритме которого трепетало пламя свечей на люстрах. Их отблеск подрагивал на поверхности золотой маски Короля.

– Наше золото осталось в руках преступника, – заметил тот глухо. – Но вы, Мариньи, вы здесь с вашими людьми.

– Мои войска понесли огромные потери в битве, Сир! – возразил адмирал. – Я сам был на волоске от смерти, Тьма тому свидетель!

Задетый за живое, мужчина резко вскинул голову, чтобы смело взглянуть в бездонные черные глазницы суверена, но тотчас прикусил губу, кончики его клыков вонзились в мертво-бледную плоть. Он осмелился повысить голос на монарха! Наглец!

Нетленный медленно встал со своего трона. Полы его длинной мантии из белоснежного горностая, которая была усыпана фигурками летучих мышей из золота, тяжелыми складками раскинулись на ступенях.

– Вам бы тоже следовало остаться на Бермудах! – прогремел он.

Отбросив спокойный тон, Король более не сдерживал в себе бешенства Юпитера. Температура в зале, и без того ледяная благодаря присутствию монарха, резко упала на несколько градусов.

– Вы обязаны были защищать Нашу собственность вплоть до Абсолютной Смерти!

Подвески на люстрах возмущенно зазвенели, высокие окна в вычурных рамках завибрировали.

– Этот Фебюс бросает на Нас тень, – рычал Король. – Он смеет называться именем, которое древние дали Аполлону, богу солнца, и равным которому здесь, на земле, являемся только Мы.

Мне вспомнились уроки искусства светской беседы времен учебы в Гранд Эжюри. Аполлон, Сол, Гелиос, Фебюс: мадам де Шантильи познакомила нас с синонимами для обозначения божественного идола Нетленного.

– Никогда этому преступнику не сравниться с вашим ослепительным блеском, Сир! – со слащавой угодливостью воскликнул адмирал. – Говорят, он бледен, как мертвая звезда, отсюда его прозвище...

– Избавьте Нас от слухов и предоставьте доказательства из первых рук!

– Дело в том... Он напал в полдень, когда я спал, – едва шевеля губами, признался Мариньи. – В момент abordaja слуги едва успели погрузить мой гроб в спасательную лодку. Прячется от дневного света – эта наша участь, всех живых мертвецов.

– Вы – не живой мертвец, вы – бесполезная мертвая обуза, чрезмерно раскормленная кровью наших поданных, годная лишь для ящика.

– Я... Сир... За двести пятьдесят лет, что служу вам, я никогда не подводил вас.

– Что служили Мне.

Король поднял мертво-бледную руку с длинными острыми ногтями – руку власти, которая в течение трех веков поднимала легионы и разрушала империи. Подобно механическим куклам, швейцарские гвардейцы, растравленные по периметру салона, обнажили шпаги и направились к морякам.

– Мы желаем показательного наказания, – резко бросил Нетленный с высоты своего пьедестала. – Завтра, в ночь с 20 по 21 марта во время праздника весеннего равноденствия для оживления галантной охоты мы выпустим уцелевших смертных в наши сады, а вампиров предадим лучам утренней зари, дабы они прожарились до костей.

Возбужденный шепот пробежал по рядам придворных. Мелкие дворяне радовались скорому исчезновению нескольких вампиров, которые освободят места для *numerus clausus*⁵, что увеличит их шансы получить доступ к вечной жизни. Важные мужи королевства, трансмутированные давным-давно, облизывались, предвкушая ожидавший их пир.

– Это... это несправедливо, – пролепетал Марины.

Обезумевший взгляд мужчины, направленный сквозь локоны волос, напоминал загнанного зверя, чувствующего приближение расправы. Внезапно его зрачки сузились, челюсть вытянулась, клыки, которые он старательно скрывал во время разговора с Королем, стремительно полезли из десны. Издав хриплый вопль, Марины бросился к ближайшей двери. Швейцарский гвардеец, стоявший на пути, не успел защититься шпагой – адмирал распорол ему горло острыми когтями. Два других вампира ринулись за своим вожаком. Смертные офицеры в свою очередь попытались вырваться в кулуар, но несчастные не обладали сверхъестественной скоростью своих командиров: только троим удалось улизнуть, прежде чем стражники преградили им путь.

– Оруженосцы, верните беглецов! – приказал Король.

Как вспышки молнии, передо мной мелькнули силуэты моих товарищей; в венах каждого из них текла кровь Нетленного, удесятерая силу. По неизвестной мне причине я – единственная, в ком королевская эссенция не проявила подобные рефлексy, и последняя, кто покинул зал.

Живот скрутило в узел, когда я ворвалась в темный кулуар. Не только бешеная погоня стала причиной дурноты, но и тот факт, что ради прихоти Нетленного я вынуждена преследовать людей, словно дичь. Выбора нет, необходимо отличиться в его глазах. Все оруженосцы в равной степени мои компаньоны и мои соперники: каждый стремится получить королевскую благосклонность. Я тоже должна ее добиться: чем лучше будет выглядеть со стороны моя преданность тирану, тем удачнее окажется тайная служба на благо Народной Фронды, которая поклялась его свергнуть. Такова моя миссия, мой долг единственной выжившей из семьи фрондеров, зверски убитой солдатами Короля. Мне не забыть моего настоящего имени – Жанна Фруаделак!

Я удвоила усилия, чтобы нагнать мнимых товарищей, которым неведома моя истинная личность. Темноволосая англичанка Прозерпина Каслклифф поймала одного из смертных офицеров. Чуть дальше красавец-метис Зашари де Гран-Домен держал на острие шпаги дрожавшего от страха мужчину. Третий смертный был схвачен Рафаэлем де Монтесуэно, мрачным испанским кабальеро⁶.

Оставалось три вампира в бегах...

Задыхаясь, я перелетала из одной двери в другую. Пересекала пустынные кулуары, где эхом отражался стук сапог Сураджа де Джайпура и Эленаис де Плюмини, самого сильного из оруженосцев и самой быстрой среди нас.

Наконец, ворвавшись в салон, куда за все время проживания в Версале никогда не отваживалась заходить, я увидела оруженосца – индийца, удерживающего у ног не одного, а сразу двух вампиров! Его кинжал-халади с двойным лезвием из смертоносного серебра пронзил подколенные впадины бессмертных беглецов. Кривясь от боли, вампиры корчились на навощен-

⁵ Numerus clausus (лат.) – процентная норма, ограничение численности.

⁶ Кабальеро – рыцарь, дворянин в Испании в эпоху Средневековья.

ном паркете. Смертоносное серебро – самый ядовитый для повелителей ночи сплав, а Сурадж – самый свирепый из воинов.

– Я позабочусь об этих двоих, но Мариньи все еще в бегах, – тихо проговорил оруженосец, бросив на меня пронизывающий взгляд из-под тюрбана цвета охры. – Поспешите к Эленаис, она гонится за ним по пятам!

Я вынула шпагу из ножен и вновь помчалась по длинным коридорам и кулуарам дворца. На протяжении веков здание постоянно расширялось с целью вместить разрастающееся число придворных. Некоторые отдаленные части все еще застраивались, как и та, где я оказалась сейчас: здесь не было ни люстр, ни канделябров, лишь высокие окна, поделенные на мелкие квадраты, пропускали лунный свет.

– Серая мышь! Берегись: справа! – раздался неожиданный окрик.

Я развернулась, выставив перед собой шпагу, приготовившись отразить удар Мариньи.

Но темнота не двигалась: ничего, кроме теней, в глубине которых мерцала гибкая фигура Эленаис.

– Бедняжка! И рефлексы у тебя черепаши, – злорадно рассмеялась она.

Девушка шагнула вперед, встав в ореол луны. Бледный луч осветил каштановые локоны-змейки в стиле юрлю-берлю⁷, нежное личико, скривившееся в насмешливой эмоции, и перчатку с когтями из смертоносного серебра, натянутую на правую кисть, – излюбленное оружие де Плюминьи.

– Если бы Мариньи и правда оказался здесь, ты бы давно отправилась в сырую землю кормить червей.

– Где он? – спросила я, не в настроении парировать ее едкие нападки, в которых Эленаис обрела виртуозное мастерство. – У нас больше шансов изловить его, если мы объединим усилия.

На красиво очерченных губах девушки-оруженосца появилась улыбка.

– Ты и я станем командой, как в старые добрые времена? – прошептала она.

Я кивнула. Старые добрые времена, о которых упомянула де Плюминьи, были не так уж и далеки: всего три месяца назад, в декабре, я бродила по улицам Парижа в компании Эленаис и Сураджа, выслеживая Даму Чудес, соперницу Короля Тьмы.

– Почему бы и нет, – согласилась напарница.

Подбородком она указала на две парные с резными перилами лестницы, где тусклые ступени растворялись во мгле.

– Мариньи бежал туда. Лестницы ведут в новый, недостроенный театральный зал; иди справа, я пойду слева, таким образом мы окружим злодея.

Эленаис направилась к одной из лестниц. В ту же секунду я сбегала по ступеням, стуком каблуков по холодному мрамору пробуждая злое гулкое эхо.

Внизу царил сплошной мрак. Но даже если мои глаза не могли видеть, я знала: вампирское зрение адмирала меня давно обнаружило, и... Скорее! Трутовая зажигалка! Я лихорадочно терла камень, чтобы получить огонь и затеплить свечу, вырванную из ближайшего подсвечника. Пламя осветило фантазмагоричный декор: деревянные скамьи с незаконченной полировкой. Лепные орнаменты, покрашенные наполовину. Барельефы в виде масок: улыбающихся – из комедий, скорбящих – из трагедий. Тяжелые бархатные шторы, свисающие над пустынной сценой. Терпкий запах воска, исходивший от нового паркета, раздражал ноздри.

– Эленаис? – позвала я, одной рукой сжимая свечу, другой – шпагу.

Пустой театр безмолвствовал: ни адмирала, ни де Плюминьи. Возможно, честолюбивая карьеристка специально избавилась от меня и пустила по ложному следу? Хотела единолично поймать Мариньи, а после присвоить все лавры? Как на нее похоже!

⁷ Юрлю-берлю – популярная женская прическа во Франции XVII в.

Я уже приготовилась повернуться и уйти, но тут мой взгляд зацепился за едва уловимое движение: одна из штор на сцене дрогнула! Мягко, на цыпочках, я приблизилась, выставив перед собой шпагу: долгие охотничьи вылазки в одиночку в родном Оверни научили меня быть легкой, как воздух, бесшумной, как ветер.

Я осторожно скользнула острием шпаги под занавес и... рывком подняла его. За бархатной портьерой, скрючившись, прятался смертный: дрожащие губы выпускали пар живого дыхания. Я узнала офицера с перевязанной рукой. Он только что был рядом с Рафаэлем. Должно быть, чудом выскользнул из рук испанца.

– Пощадите! – взмолился мужчина.

Его парик сбился, обнажив влажный от пота лоб. Глаза, наполненные ужасом, вывалились из орбит. Этот аристократ находился на содержании Магны Вампирии, но его отчаяние сжало мне сердце.

– По приказу Короля! Встаньте и следуйте за мной! – скомандовала я.

Но он не шелохнулся, парализованный страхом.

– Я... я не хочу закончить свои дни в галантной охоте. Я не заслуживаю такого конца.

– Как и ваш экипаж! Кто из них заслужил перерезанного горла? – огрызнулась я, представив тех простолюдинов, что погибли в водах Бермудских островов, пока эта славная кучка богачей спасала свои шкуры от пиратов. – Вы бросили своих матросов, чтобы укрыться в стенах Версаля.

Офицер сдвинул брови: в одно мгновение ужас в его глазах сменился возмущенным блеском униженной чести.

– Я их не бросал! Это адмиралы и высокопоставленные офицеры – беспринципные придворные, с легкостью предадут своих людей: у них нет никаких моральных преград. Но лейтенант, достойный своего звания, связан с экипажем жизнью и смертью. Я – Этьен де Фабель, и я бился до конца! В то время как Мариньи и высший офицерский состав бежали в разгар шторма, я оставался на палубе, залитой морской пеной и кровью. А потом, внезапно, грозовые тучи разошлись. И я увидел его так же ясно, как вижу сейчас вас...

В тусклом отблеске свечи лицо лейтенанта искажилось от страха, очевидно, он заново переживал кошмар, который потряс его до глубины души.

– Кого вы увидели? – не удержалась я от вопроса, впечатленная его почти осязаемым ужасом.

– «Ураноса».

Бесконтрольная дрожь охватила тело мужчины, по локонам парика заструился пот.

– «Уранос» – корабль Бледного Фебюса, его капитана, – шептал лейтенант, – огромное, просто гигантское сооружение. Настолько, что его мертвенно-бледные паруса сжирают все небо. Корабль-цитадель, слишком, чудовищно громадный. Белый, как скелет кита. Невозможно создать подобное на обычной судостроительной верфи руками человека. Говорят, будто сама бездна океана изрыгнула «Уранос» из своего чрева. Аккорды, которые вырывались из его Больших Органов, были оглушительнее грохота орудий и шторма – настоящая симфония ада! На палубе моего парусника еще велась сокрушительная баталия, когда я заметил Бледного Фебюса за огромным органом.

Лейтенант тарашил глаза в пустоту.

– Высокая фигура, белая, призрачная... – едва слышно выдохнул он, будто это явление и сейчас, здесь стояло перед ним. – Я прижал руки к ушам, чтобы не слышать звуков его музыки, но вибрация проходила сквозь ладони, проникая в мой бедный мозг. Сабля обрушилась на мою кисть. Я потерял сознание.

Он показал забинтованную руку, как подтверждение его слов. Я увидела обрубок.

– Очнувшись, я обнаружил себя в море на обломках судна с двумя трупами. Несколько дней спустя меня подобрал голландский корабль и отправил в Версаль, чтобы засвидетельствовать разгром наших судов.

Моя решительность покачнулась. Что, если этот де Фабель не так уж и плох? Что, если он действительно бился, защищая жизни своих матросов? И что, если... я притворюсь, что не видела его? Шансы лейтенанта сбежать ничтожны, но я не желала препятствовать им и молча отступила.

Этьен де Фабель наблюдал за удаляющимся острием моей шпаги. Свечой я указала на лестницу. Слабый проблеск надежды загорелся в глазах военного: он понял, что я его отпускаю.

Мужчина вскочил на ноги, смущенно бормоча на ходу бессвязные слова благодарности, и со всех ног бросился к лестнице. По пустынному театру эхом пронесся топот его сапог: звуки сумасшедшего бега навстречу жизни...

... которые внезапно оборвались.

Неужели оступился, выбившись из сил? В полутьме я приблизилась к лестнице.

В самом деле де Фабель остановился, но не потому, что поскользнулся. Он споткнулся о непреодолимое препятствие: шпагу в руках высокой фигуры. В контражуре⁸ лунного света я не могла определить черты незнакомца, но во дворце, где все придворные носили длинные парики, эта короткая стрижка могла принадлежать только одному...

– Зашари?... – прошептала я.

– Я думал, ты в руках Мариньи, и поспешил на подмогу. Никогда бы не подумал, что оруженосцу твоего уровня потребуется помощь в поимке обычного смертного, к тому же калеки.

Я сглотнула, не зная, что ответить. Находясь в безлюдном театре, я позволила своему сердцу проявить сочувствие, но в глазах королевского оруженосца нельзя казаться слабой, особенно в глазах того, кого так мало знала. Сердце вновь окаменело, став глухим и твердым.

– Этот негодяй сбежал. Благодарю, Зашари, но я справлюсь с ним без тебя.

Подавив щемящую боль в груди, я поднялась по ступенькам к лишенному сил лейтенанту, прекрасно сознавая страшную участь, которая ожидала его в руках швейцарских гвардейцев.

Раздался душераздирающий вопль:

– Нет, я не бежал от вас, мадемуазель: вы сами отпустили меня! Потому что сжалились. К вашему милосердию я взываю вновь!

Лицо де Гран-Домена оставалось в тени, но я почувствовала укол его тяжелого, осуждающего взгляда. Юноша всегда демонстрировал непоколебимую преданность Королю... А если он донесет Нетленному? А если тиран усомнится в моей верности?

– Замолчите! – приказала я безрукому. – Этот вздор не спасет вашу шкуру.

Но тот не унимался:

– Вам только на секунду прикрыть веки, вам и вашему товарищу по оружию, и я испарюсь в кулуарах. Никто ничего не узнает!

– Я вас просила заткнуться!

– Какой возраст скрывают эти странные серебристые волосы? – упрямо продолжал несчастный со слезами на глазах. – Семнадцать? Восемнадцать? Возраст моей дочери Анриетты. И такой же непокорный вид. Только от вас зависит, увижу ли я ее снова. Сожму ли в своих объятиях, как делал каждый раз, возвращаясь из плавания.

– Лучше бы Бледный Фебюс отрезал вам язык, а не руку... – бросила я, чувствуя подступивший к горлу комок.

– Несмотря на ваши жестокие речи, вы не такая, какой хотите казаться, я вижу это, – продолжал лейтенант дрожащим голосом. – Вы не похожи на других оруженосцев. На ваших

⁸ Контражур – освещение, при котором источник света располагается позади объекта.

латах изображено ледяное солнце, но под ними бьется горячее сердце молодой бунтарки, жаждущей справедливости.

Я вздрогнула. В попытках воззвать к моему состраданию этот посторонний только что умудрился невероятно точно ухватить мою суть. Не удержавшись, я взглянула на Зашари, чтобы убедиться: не принял ли он слова лейтенанта за чистую монету... Но лицо оруженосца оставалось непроницаемым.

– Довольно! – воскликнула я. – Единственная справедливость, которой я служу, – справедливость Нетленного. Эти латы защищают его верного солдата. Следующий раз, когда посмеете возводить хулу на моего суверена, станет для вас последним.

Моя шпага из смертоносного серебра коснулась горла Этьена де Фабеля. Я стояла так близко к мужчине, что чувствовала на своем лбу его неровное дыхание. Едкий запах пота раздражал обоняние.

– А теперь идите, – тихо ответила я. – Позвольте без лишнего шума отвести вас в камеру.

Лейтенант не двигался. Проблеск надежды, который я видела в его взгляде, исчез. Глаза беглеца превратились в два темных бездонных колодца.

– Вы обманули меня, – тихо проронил он. – А я, глупец, поверил. – Еще недавно его голос протестовал, защищал, умолял в полную силу, теперь же с губ срывались слабые звуки, едва слышные: голос обреченного, утратившего всякую надежду на спасение. – Я думал, что только бессмертные забавляются человеческими жизнями. Но вы из того же теста. Такая юная, а уже успели ожесточиться, точно столетний вампир. Для вас это всего лишь игра, не правда ли? Подарили надежду на спасение для того, чтобы позже отнять ее.

– Повторяю, я не давала вам возможности убежать, месье, – пробормотала я, вспотевшей рукой сжимая дрожавшую шпагу. – Будьте благоразумны. Примите судьбу с честью, как подобает дворянину.

– Нет чести в том, чтобы умереть, как добыча, на потеху бессмертным придворным. Дворянин не покоряется смерти, он ее обнимает!

Неожиданно арестованный с силой прижал меня к себе. Слишком поздно он понял, что в объятиях встретил свою смерть: моя шпага глубоко вонзилась в его горло.

Потрясенная, я отступила.

Из рассеченной сонной артерии кровь полилась фонтаном, затапливая мраморную лестницу.

Этьен де Фабель рухнул на колени, словно марионетка, которой оборвали ниточки.

Его истерзанное тело кубарем скатилось с лестницы, исчезнув в ночи.

2

Альянс

– Диана де Гастефриш, мы ожидали от вас большего! – заявил Нетленный, когда я появилась в салоне Аполлона.

Взгляды придворных обжигали, словно раскаленные угли. Мой нагрудник и кожаные штаны были заляпаны кровью, часть седых волос забрызгана сгустками вязкой жидкости.

Зашари проводил меня, не проронив ни слова. Его молчание удручало больше, чем все нравоучения, вместе взятые.

– Беглецы схвачены. Ваши товарищи должным образом исполнили приказ, – молвил Король с высоты трона, указав на четверых оруженосцев. – Мадемуазель де Плюмины с блеском завершила операцию по поимке вероломного адмирала.

С торжествующей улыбкой Эленаис гордо вздернула подбородок.

– Все преступники ожидают исполнения приговора за решеткой, – продолжил Король. – Все, кроме того, единственного, кто избежал данной участи, встретив смерть.

Несмотря на неподвижность золотой маски, мне показалось, что густая львиная шеверюра суверена раздувалась от раздражения.

Вся липкая от крови, я присела в реверансе, рассыпаясь в извинениях:

– Сожалею, что не взяла его живым, Ваше Величество, но он получил по заслугам.

– Кто вы такая, Гастефриш, чтобы решать судьбу наших подданных? – ледяным тоном изрек монарх. – Возомнили себя выше нас?

– Конечно нет, Сир...

– Мы вынесли приговор: умереть в галантной охоте, как вульгарному простолюдину. Вы решили по-другому. Обезглавливание – престижная казнь, уготовленная для знати.

Бесполезно настаивать, что де Фабель не был обезглавлен, а сам бросился на мой клинок и распорол себе горло. Объяснения лишь ухудшат мое положение: никто не смеет возражать Нетленному.

Чтобы отвести от себя удар и смягчить гнев монарха, я склонилась перед ним как можно ниже, почти сложившись пополам. Король, трон и Двор – все исчезло, я ничего не видела, кроме пола.

– У меня нет оправданий, Ваше Величество. Я – Ваша покорная слуга навсегда.

– Несомненно. И мы нашли применение для вас. Вы отправляетесь к берегам Америки.

Сбитая с толку, я осмелилась поднять голову:

– Америки, Сир?

Для меня Американский континент всегда был чем-то далеким, призрачным. Официально их вице-королевства были частью Магны Вампирии, однако поговаривали, будто Кодекс Смертных в Америке мягче, чем в старушке Европе. Именно на Америку Фронда возлагала главные надежды, на революцию, которая однажды могла бы охватить весь мир.

– Точнее, на острова. Мы решили отправить вас на Антильские острова к пиратам Бермуд.

– На Антильские острова, Сир?... – задохнулась я от изумления. – Но моя нога в жизни не ступала на палубу корабля.

– Что ж, пришло время ангажировать вашу ногу и даже руку, потому что я обещал ее Бледному Фебюсу.

Сердце остановилось, когда до меня дошел смысл сказанного. Я открыла рот, но не смогла произнести ни звука.

– Пока вы предавались кровопролитию в наших кулуарах, Мы беседовали с ближайшими советниками, – продолжил Король. – Мы, Людовик, решили, что альянс с одним из самых могущественных пиратов выгоден для нас. Для прочности союза важно скрепить его узами брака.

Я обратила внимание на бессмертных, столпившихся на возвышении с обеих сторон от трона. Конечно же, дело не обошлось без наводящего страх Экзили – Главного Архиатра⁹ Франции, главы гематического Факультета и личного врача Короля. Его мрачная фигура в пурпурной мантии всегда и всюду неотступно следует за монархом. Я также узнала острый профиль Эзешеля де Мелака¹⁰, министра Армии, и гармоничные черты принцессы дез Юрсен¹¹, министра иностранных дел. Ближе всех к трону стояла маленькая фигурка, потонувшая под огромной седой шевелюрой, завитой щипцами: Мишель де Шамийяр¹², министр финансов.

– Объясните, де Шамийяр! – приказал Король.

– Трехсторонняя торговля с Америкой – главная составляющая экономики королевства, – начал министр гнусавым голосом. – Мы рассчитываем на колонии, чтобы обеспечить себя золотом и драгоценными металлами, сахаром и кофе, от которого без ума смертные придворные, а также хлопком, чтобы одевать Двор. Годами пираты беспощадно грабили наши суда, отнимая золото. Карательным экспедициям нашего военно-морского флота никогда не удавалось их уничтожить: столько потерянных шпаг в море, осмелюсь заметить...

Маленький вампир бросил злобный взгляд на своего коллегу маркиза де Мелака, ответственного за военные неудачи. Элита государства постоянно вела подковерные игры, чтобы добиться благосклонности Короля и... опорочить соперника в глазах суверена.

– Корсары – презренные трусы, они избегают прямого столкновения, – огрызнулся Мелак. – Атакуют торговые суда в хвосте флотилий, и не только те, что ходят под французским флагом.

– Именно! – вмешался хрустальный голос принцессы дез Юрсен. – Если мы заключим с ними альянс или, по крайней мере, с самым могущественным из них, то сможем контролировать налеты. Они не только пощадят наши корабли, но и удвоят жестокость в отношении судов иностранных держав, особенно тех, чьи амбиции слишком явственны.

Аллюзия самого высокопоставленного дипломата Магны Вампирии прозрачна: годами вице-королевство Англии стремилось освободиться от покровительства Версаля. Английский флот бросал тень на французский.

– Бледный Фебюс – обыкновенный пират, но Мы предложим ему должность королевского корсара, – изрек Нетленный. – Он заставит остальных пиратов Америки принять Наш закон, продолжит грабить вражеские корабли и напомнит иностранным государствам о Нашем превосходстве. Таким образом, Фебюс войдет в орбиту Аполлона, как тому и положено быть. Из двух звезд меньшая должна вращаться вокруг большей. Таков механизм существования небесных светил. – Золотая маска монарха, воплощение солнечного божества, повернулась ко мне: – Говорят, Наш будущий подданный находит удовольствие в тропических бурях? Что ж. Для него мы создадим фьеф¹³ Урагана: отрезок моря, где он будет царствовать от Нашего имени. Мы ему предложим статус, благодаря которому ваш собственный престиж, мадемуа-

⁹ Архиатр – в Средние века звание главного врача города, провинции.

¹⁰ Эзешель де Мелак (1630–1704) – военный министр государственного секретаря по делам войны маркиза де Луауа, прославился жестокой политикой «опустошения земель».

¹¹ Принцесса дез Юрсен, Мари-Анн (1642–1722) – французская аристократка. Де-факто была правительницей Испании с 1701 по 1714 г.

¹² Мишель де Шамийяр (1652–1721) – французский государственный деятель. Занимал пост военного министра и заведовал финансами.

¹³ Фьеф – в Средние века земли, пожалованные сеньором вассалу на условиях несения службы и уплаты налогов.

зель, только укрепится: во время церемонии брака Мы пожалуем вам титулы герцога и герцогини.

Монаршее заявление обескуражило меня, его милость сломила. Я прекрасно знала, что Король сам принимает решения о брачных союзах своих оруженосцев, но надеялась, что мой черед придет лишь через несколько лет.

– Почему я, Сир? – запинаясь, пробормотала я.

– Потому что таково Наше волеизъявление. Данный ответ должен удовлетворить вас. Маленькой серой мышью не постичь бессмертное сознание.

Я не могла сказать, что больше раздражало меня – манера Короля разговаривать обо мне как о мебели, которую он мог в любой момент продать по своему желанию, или намек на привязанность, который проскальзывал в его речах. «Маленькая серая мышь» – так любил он называть меня, единственную из его подданных, которую удостоил прозвища.

Я перевела взгляд на остальных оруженосцев. Предложить Прозерпину на свое место? В прошлом я не всегда была искренна с ней, к тому же сомневалась, что Король согласится отправить англичанку для скрепления союза, одна из целей которого ослабить Англию. А вот Эленаис, напротив...

– Ваш выбор делает мне честь, Ваше Величество, – осмелилась я подать голос. – Но не думаю, что я его достойна. У мадемуазель де Плюмины больше шансов. Она – одна из лучших. Проворнее – мы видели, как ловко она справилась с адмиралом. К тому же богаче. И уж, конечно, намного красивее.

От моих хвалебных слов, сказанных публично, торжествующая улыбка Эленаис стала шире. Нужно сказать, что ее уникальная красота – результат алхимической операции, оплаченной ее отцом, богатейшим бароном Анакреоном де Плюмины.

– Несомненно, красивее, что не подлежит обсуждению, – согласился Король, словно оплеуху возвращая мне мою собственную неучтивость. – Поэтому я приберегу для нее более престижный союз с иностранным двором, где она будет блистать во благо Франции. Нельзя хоронить сияние красоты за туманами Бермудского моря среди грубых флибустьеров без манер – это было бы непростительным расточительством.

Приглушенные комментарии вместе со сдавленными смешками побежали по рядам придворных, но Король не дал времени разгуляться слухам:

– У вас существенное преимущество перед красивым личиком: блестящий ум, – заключил он, заставив насмешников заткнуться. – И нужно им воспользоваться, чтобы соблазнить капитана Бледного Фебюса и заставить его принять Наши взгляды. Мы рассчитываем на вас, де Гастефриш. Завтра, в ночь равноденствия, вы отплываете в Неаполь, оттуда напрямиком к Вест-Индии¹⁴. Не на борту Нашего военного корабля, продемонстрировавшего свою ничтожность, а на судне корсаров, аккредитованном каперским свидетельством¹⁵ с Нашей подписью. Отправляйтесь готовить багаж и постарайтесь не разочаровать Нас. В этот раз вам предстоит поймать в сети не жалкого лейтенанта в бегах, а будущего герцога!

С этими словами суверен встал, давая понять, что разговор окончен. Широкие полы его горностаевой мантии пробудили ледяной бриз, задувший пламя сразу нескольких канделябров. Нетленный шагнул в кулуар, выходящий в сады. Поток придворных с необъятными париками, шиньонами, украшенными галеонами, хлынул за ним, напоминая стремительные морские волны, готовые поглотить меня.

¹⁴ Вест-Индия – общее название островов Атлантического океана и Карибского моря, расположенных между материками Северная Америка и Южная Америка.

¹⁵ Каперское свидетельство – правительственный документ, разрешавший частному судну атаковать и захватывать суда, принадлежащие вражескому государству.

* * *

– Должен же быть способ заставить Короля передумать! – в сотый раз воскликнула я.

– Повторяю, решения тирана так же нетленны, как и он сам, – мрачно возразил Главный Конюший.

С первыми лучами солнца, как только бессмертные во дворце опустились в ледяные гробы, я кинулась в «Гранд Эжюри». Официально речь шла о том, чтобы последний день в Версале был посвящен прощаниям со старыми друзьями. На деле я даже не заходила в дортуары и классные комнаты, а напрямик бросилась в кабинет директора школы, откуда мы с ним вдвоем спустились по тайному ходу в чрево здания. Там, на глубине тридцати футов под землей, я смогла излить чувства наставнику. Де Монфокон, как и я, вел двойную игру в Версале, где командовал Народной Фрондой и одновременно играл роль придворного.

День пролетел быстро, часы утекали, как крупинки песочных часов. Был почти вечер, а я находилась в том же состоянии, что и утром. Главный Конюший в унылом старом парике хмуро разглядывал меня. Свет фонаря, падавший с влажного потолка, обрисовывал тяжелые мешки под его запавшими глазами. Мне хотелось хорошенько встряхнуть его, но я не двигалась: этот великан двухметрового роста весил вдвое больше меня.

– Необходимо что-то сделать, – взмолилась Наоко. – Нельзя отпускать Жанну завтра на... навсегда.

Юная японка сжала ладони при мысли, что нас навсегда разлучат. Последние шесть месяцев подруга проживала в недрах школы, где де Монфокон удерживал ее с тех пор, как узнал, что ей известна тайна Фронды. У меня вошло в привычку составлять Наоко компанию, когда выдавалось свободное от обязанностей время во дворце. При каждой встрече она показывала мне расписанные ею шелка с изысканными орхидеями и лотосами: искусственные цветы заменяли ей те, живые, любоваться которыми она больше не могла.

– Подумайте о Фронде, месье, – настаивала подруга. – Соппротивление не может позволить себе потерять такого ценного агента, как Жанна.

– Фронда не потеряет Жанну, позволив ей вступить в брак с Бледным Фебюсом, – проворчал де Монфокон, поглаживая лохматую козлиную бородку узловатыми пальцами. – Напротив, сможет заполучить еще одного воина, не менее ценного. Достаточно склонить его к нашему делу.

Я не могла поверить своим ушам! Растерянность уступила место ярости:

– Это, верно, сон? Вы тоже решили, как и Нетленный, примерить на себя роль сводни? Так знайте, я не кусок мяса, который можно выгодно продать!

– Бледный Фебюс ничего не предложил, это ты должна предложить ему себя, – продолжил грубиян с самым серьезным видом. – Тебе придется быть убедительной, если не хочешь, продолжая твою деликатную метафору, пойти на убой, потому как его репутация мясника широко известна.

Потеряв дар речи, я вскочила и в бешенстве с размаху пнула свой стул. Ударившись о холодную плитку, его спинка разлетелась на куски. Не теряя самообладания, Главный Конюший укоризненно покачал головой, словно воспитатель, утомленный капризами ребенка.

– Этот шум бесполезен, – пробормотал он. – Ты ничего не добьешься, а другие только потеряют время. Начиная с Орфео, которому придется чинить то, что ты сломала.

Тут же со скрипом отворилась дверь и на пороге появился мастер на все руки, или, правильнее сказать, – создание, служившее Великому Конюшему, потому что Орфео – не человек, он собран из разных фрагментов человеческой плоти, сшитых между собой. Отшельник покорно приблизился к сломанному стулу, но перед тем как он коснулся обломков, я положила

свою руку на его крупную кисть. Прикосновения к коже Орфео, вечно влажной и холодной, усеянной грубыми швами, больше не вызывали у меня отвращения.

– Подожди, – попросила я. – Позволь хозяину хоть раз самому сделать работу.

Орфео поднял на меня свои водянистые нефритовые глаза, два драгоценных камня, оправленных в нелепое лицо болотного цвета.

– Главный Конюший всегда посылает других выполнять за него грязную работу, Орфео, – взорвалась я, дрожа от гнева. – Каждую ночь он позволяет тебе выпускать упырей из логова на расстоянии выстрела из ружья. Прошлой зимой, к примеру, именно меня он отправил в Париж на поимку Дамы Чудес. А Наоко рассказывала, что этот эксплуататор заставлял ее целыми днями корпеть над письмами. Задаром, конечно!

– Наоко – талантливый каллиграф, я использую ее способности на благо Фронды, для составления фальшивых бумаг, – возразил де Монфокон.

– Подходящее слово – нанимаю, – поправила я. – Каждый труд заслуживает оплаты, а Наоко работает даром. Что касается этой Фронды, о которой вы мне прожужжали все уши, так я ее в глаза не видела. – Я развернулась, сложив ладонь козырьком над бровями, делая вид, что всматриваюсь в горизонт, хотя вокруг меня высились глухие стены. – Эге-гей! Где вы? Где спрятались, фрондеры? Где так называемая армия, готовая свергнуть Нетленного? Нигде!

Мой возглас эхом отразился в мрачном подземелье, будто мне ответило само небытие: Нигде... Нигде... Нигде...

– Прекрасно! Закончила? – сурово поинтересовался де Монфокон, как только стихли последние звуки эха. – Или собираешься развлечь нас еще одним представлением? Знай, что фрондеры повсюду – от Версаля до Парижа и в каждой провинции. Ушли долгие десятилетия на то, чтобы терпеливо оплести Магну Вампирию сетью тайных агентов. К твоему сведению, член Фронды имеется даже среди экипажа «Невесты в трауре», судна корсаров, на борт которого ты отправляешься, судя по информации, которую мне удалось добыть. Только потому, что ты не видишь фрондеров, не означает, что их нет. Позволь напомнить, что в течение семнадцати лет ты жила бок о бок с четверьмя из них.

Аргументы де Монфокона жестоки, но справедливы: все детство я понятия не имела, что моя семья состояла в Фронде. Теперь родители и братья мертвы, а их тайна в могиле. Воспоминания о родных подкосили меня: я пошатнулась словно от удара и потянулась за стулом, нащупывая пустоту...

Де Монфокон тотчас подскочил, чтобы не дать мне упасть, осторожно усадил на свое место. Его голос смягчился:

– Я не хотел ранить твои чувства, Жанна, лишь напомнил, из какой ты семьи. Фрондеры живут и в Америке. Вот почему союз с пиратами так важен: чтобы еще больше изолировать Новый Свет от Старого и способствовать процветанию движения сопротивления.

Я кивнула, гнев мой потихоньку утихал.

Прошлой зимой де Монфокон отправил в Америку маленького Пьеро, юного чудотворца, одаренного способностями к ясновидению. И даже больше – кудесника, чьи видения породили чудо техники, которое способствовало свержению королевы упырей: магию под названием электричество. Главный Конюший решил организовать побег, потому что искренне считал, что по ту сторону Атлантики мальчик будет в безопасности, а его выдающиеся таланты принесут пользу Народной Фронде.

Пожилый мужчина опустил передо мной на корточки, заскрипев суставами, словно сухими бревнами.

– Ты обвиняешь меня в том, будто я заставляю других выполнять грязную работу. Это несправедливо. Уверю тебя, что, если бы мог, отправился бы туда сам; но сомневаюсь, что мои чары даже под добрым слоем румян и помад покорят сердце Бледного Фебюса.

Образ грозного де Монфокона в гриме куртизанки рассмешил меня.

– Кто знает? – поддразнила я его. – Для начала замените древний, вышедший из моды парик на что-то более современное, в стиле «юрлю-берлю» Эленаис, и, возможно, вы произведете фурор.

Наоко прыснула со смеху. Главный Конюший прижал к своим впалым щекам поникшие локоны, свисавшие с обеих сторон его лица.

– Что ты хочешь этим сказать? Мой парик совсем не древний. Только в прошлом месяце я заказал его завивку, заплатив, между прочим, тридцать су¹⁶.

– Забудьте. Я лишь хотела сказать, что с ним вы не попадете на страницы Меркюр Галан¹⁷.

Сообразив, что я дразню его, де Монфокон нахмурился и проворчал в бородку:

– Хорошо. Не хочешь – не езжай, я принуждать не стану. Только Король не столь милостив. Сама знаешь: он не терпит возражений. Единственный выход для тебя – тайком как можно скорее покинуть Двор, чтобы скрыться от его гнева. Но в этом случае ты обречена вести жизнь затворницы в подземельях, как Наоко.

– По крайней мере до тех пор, пока подруга не сделает мне фальшивые документы, – сказала я, заглядывая в опущенные глаза девушки. – Чтобы я смогла покинуть Иль-де-Франс¹⁸ и даже королевство. Тогда бы я смогла достичь берегов Америки и разыскать там Пьеро. – Я вздернула подбородок, с вызовом глядя на Главного Конюшего. – Я уеду в Новый Свет не для того, чтобы оказаться под опекой мужа, но чтобы вступить в ряды Фронды Америки как свободная женщина.

Де Монфокон разочарованно покачал крупной головой.

– Никто из смертных не обретет свободу, пока на земле господствует эра Тьмы, Жанна, разве ты еще не поняла? Даже в Америке ты будешь вынуждена вести скрытную жизнь, полную страхов и опасностей. Таково существование Пьеро и фрондеров, которым я его доверил. Конечно, ты могла бы присоединиться к ним, участвовать в точечных саботажах против колоний Магны Вампирии, организовать несколько восстаний. Но такой вклад в дело крайне скромнен по сравнению с тем, чего бы ты могла достичь, сумей убедить пиратов Бермуд принять нашу сторону. Видишь ли, я тоже получаю новости из Атлантики: Бледный Фебюс пользуется достаточным авторитетом, чтобы объединить остальных флибустьеров. Если они согласятся служить Королю Тьмы, это нанесет смертельный удар Фронде Америки. А если вступят в наши ряды, если отрежут главные морские пути, по которым стекает богатство в Магну Вампирию, это станет поворотной точкой в нашей борьбе. Исторической. – Глаза де Монфокона пылали в отблеске лампы. – Да, Жанна, началом революции.

Он мягко опустил свою массивную руку со стальным кольцом на пальце на мое плечо.

– Невозможно пересчитать жертвы всех, кто, как твои родители и братья, положил жизнь ради надежды на то, что Свет вернется.

– Возвращение Света... – прошептала я, – как в моих видениях.

Словно во сне я вновь увидела улыбки родителей, ласковые лучи молодого солнца, как обещание радостного будущего. Второй раз за последние месяцы я погрузилась в другой, лучший мир, где родные еще живы... и где нет вампиров.

– Судьба призывает каждого сыграть свою роль, – уверенно произнес де Монфокон. – Твоя – самая тяжелая, я понимаю, ведь ты еще так молода! Страшные обстоятельства жизни сделали тебя Сиротой, вынудили день и ночь вести двойную игру, но тебе удалось стать любимым оруженосцем тирана. Теперь же я прошу тебя забыть всех, кого знаешь, и отправиться в путешествие в один конец. Захочешь ли ты этой ночью уехать в Нант, чтобы попытаться завербовать одного из самых могущественных союзников, которого могла бы заполучить Фронда?

¹⁶ Су – денежная единица и монета Французского королевства в XIII–XVIII вв.

¹⁷ «Меркюр Галан» – французский развлекательный журнал. Основан в 1672 г.

¹⁸ Иль-де-Франс – регион, охватывающий Париж и его ближайшие пригороды, в том числе Версаль.

Или выберешь тайный и более скромный путь, чтобы служить делу? Это решение остается за тобой, обещаю уважать его, каким бы оно ни было.

Я опустила глаза. Было легко спорить с Главным Конюшим, когда он выдвигал требования, не давая права голоса. Но де Монфокон – не Король, не циничный игрок, для которого подданные – пешки. Угрюмая внешность скрывала справедливого человека. И для меня настал момент сделать правильный выбор.

Чего я хочу от жизни? Принадлежит ли она только мне? Родители положили свою во имя дела, которое было выше их... которое сделало их существование значимым.

– «Свобода или смерть», – прошептала я девиз Фронды. Речь шла не о свободе или смерти одиночки в борьбе с судьбой. А о том, что каждый должен быть готовым принести свою жизнь в безвозмездную жертву, чтобы однажды добиться свободы для всех.

Я встретила со взглядом Наоко, мерцающим, словно поверхность озера. В глазах подруги стояли слезы. Она поняла, что, каким бы ни был мой выбор, мне придется уехать.

– Я встречусь с Бледным Фебюсом, – тихо произнесла я. – Потому что это мой долг. Потому что именно так поступила бы на моем месте мама. – Ощущая комок в горле, я улыбнулась Наоко. – До скорого свидания, ведь я обязательно найду способ однажды вернуться. Ты же знаешь, я – та самая упрямая «деревянная башка».

Она кивнула, мягко качнув шелковистой челкой, густой шторкой падавшей до самых бровей. Наоко, как и я, понимала, что мои обещания – всего лишь слова, а шансы на возвращение хрупки и неопределенны. Я почувствовала ледяное прикосновение, заставившее меня вздрогнуть: это Орфео в свою очередь положил свою руку на мою, будто хотел удержать меня. Он не мог говорить, но нефритовые глаза горели так же ярко, как взгляд Наоко.

– Уповаю лишь на то, чтобы «деревянная башка» не разбилась о другую, более упертую, – прошептала подруга. – Кто знает, что в голове у Бледного Фебюса?

– Нам неизвестно, – согласился Главный Конюший. – Каковы мотивы этого разбойника, внезапно появившегося ниоткуда? Жажда наживы? Или славы на морских просторах? Или, осмелюсь предположить, любовь к свободе? Тебе предстоит это выяснить, Жанна. Ты должна убедить его, что служение Королю Тьмы превратится для него в порабощение, именно ты, пострадавшая от преступлений Нетленного больше остальных. Бледный Фебюс должен понять, что во главе Народной Фронды он останется собственным хозяином. И даже, возможно, героем человечества. Если всего этого недостаточно, если золото – единственное, что имеет значение для него, тогда постарайся подкупить его, сделать нашим наемником – у фрондеров Америки хватит ресурсов. Как только ты окажешься на островах, наш агент, внедренный в экипаж «Невесты в Трауре», свяжет тебя с представительством нашей организации на Мартинике¹⁹. Этого человека зовут Клеант. Он один из слуг экипажа, приставленных к офицерам-вампирам.

Словно подтверждая торжественность момента, настенные железные часы громко пробили.

– Семь вечера, – объявил Главный Конюший хриплым от волнения голосом. – Наступает ночь, Жанна, скоро откроется «Стена Облавы». Тебя ожидают во дворце. Позволь мне дать тебе последний совет: остерегайся как чумы корсара Гиацинта де Рокайя, капитана «Невесты в трауре». Жестокость этого бессмертного печально известна. Если во время плавания тебе понадобится помощь Клеанта, запомни пароль: попроси стакан сельтерской воды, и он найдет способ переговорить с тобой.

Де Монфокон поднялся со стула, выпрямляя сгорбленную спину:

– В путь! Время пришло.

¹⁹ Мартиника – остров в Карибском море, который относится к Малым Антильским островам. Заморский департамент Франции.

Он неловко раскрыл объятия и тут же опустил руки вдоль огромного тела, не зная, как поступить. Главный Конюший отвел глаза, но я заметила, как они увлажнились. Тогда я сама обняла его, так же горячо, как когда-то обнимала отца, крепко прижавшись к великану в первый и последний раз в жизни.

3

Свита

Король потребовал моего присутствия в Галерее Зеркал для последней аудиенции перед моим отъездом.

Не успела я переступить порог огромной залы, как зловещее предчувствие охватило меня. Галерея, обычно кишашая придворными в столь поздний час, оказалась безлюдной. Монарх ожидал меня в одиночестве. Он возвышался в центре в длинной мантии под тяжелыми хрустальными люстрами.

– Подойдите, маленькая мышь.

Звуки голоса, отражаясь от огромных застывших зеркал и высоких окон, смотрящих в густую ночь, громко резонировали в пустынном помещении. С беспокойным сердцем, еще взволнованным прощанием с Главным Конюшим, Наоко и Орфео, я приблизилась к суверену, с каждым шагом ощущая понижение температуры. Дрожа от холода, опустилась в глубоком реверансе. Оробевшая перед великолепием монарха в белой горностаевой мантии, я действительно чувствовала себя мышкой у подножия заснеженной горы.

– Поднимитесь, мадемуазель. Очень скоро вам больше не придется кланяться Нам столь низко. Вы станете герцогиней, заведете собственный двор: Двор Ураганов. Давайте пройдемся.

Король протянул руку, помогая мне встать. Длинные пальцы сомкнулись на моей кисти. Ледяные, стылые, как сама смерть. Сердце замерло под кожаным нагрудником: монарх прикоснулся ко мне впервые после той ночи, когда я пригубила «Глоток Короля» из его запястья.

Голова закружилась, я вцепилась в руку монарха, твердую, как камень. Жесткий мех мантии совсем не грел, будто был заморожен телом, которое укрывал. Нетленный зашагал вдоль высоких окон, выходящих в темный парк, увлекая меня, совершенно дрожащую, за собой. За окном стояла непроглядная ночь без луны и звезд. Ничего не было видно. Но я знала, что в этот самый момент в садах ловят «добычу». Сквозь мрачные стекла доносился топот ног, несущихся по гравии, а также возбужденные вопли радости, хрипы отчаяния: галантная охота в ночь равноденствия была в самом разгаре...

– Брачный выезд уже запряжен, – объявил суверен. Находясь вблизи монарха, я чувствовала вибрации его мощного голоса. Они пробирали до самых костей, опускались до глубин души. – Карета ожидает вас возле бассейна Нептуна – бога моря, который отныне будет заботиться о вашей судьбе. Вы отправляетесь в путь перед рассветом, первым этой весной.

Я растерянно подняла глаза на Нетленного. Моя макушка едва доходила до его груди. Но даже с этого ракурса невозможно было заглянуть за золотую маску, так плотно она прилегалась к лицу с помощью цепочек, которые утопали в фантастической шевелюре.

Приглушенный голос неподвижными металлическими губами произнес:

– Вам известно, что означает равноденствие, мадемуазель?

Я пробежалась по закоулкам памяти. В далекие времена на Крысином Холме мама рассказывала мне про смену времен года, показывала альманах лекарственных трав.

– С этого момента день по длительности превосходит ночь, Сир, – прошептала я.

– Верно. Некоторые смертные наивно полагают, что Наше господство ослабевает при наступлении славной поры. Но эта мысль далека от истины. Продолжительность Света длится всего мгновение, после Тьма вновь возвращается в осень.

Паркет трещал под тяжелой поступью монарха, словно под мраморной статуей. Задумавшись, я на секунду повисла на руке Короля. Почему он завел разговор о смертных, надеющихся на победу Света? Какие недоступные мне мысли скрывала непроницаемая маска в нескольких сантиметрах от меня?

– Через несколько часов над садами взойдет солнце, – продолжал Нетленный. – Лучи сожгут Мариньи и двух офицеров. Узнаете их?

Король остановился перед одним из окон. Я различила темные силуэты: три деревянных креста посередине ночной эспланады²⁰ с привязанными к ним телами.

– Какая глупость думать, что одно утро может поглотить вечность... – задумчиво обронил Король. – Мы никогда не смирится с этим невыносимым ограничением в существовании вампиров. Наша империя скоро обретет власть над днем. Алхимические исследования, которые Мы проводим с Экзили на протяжении десятилетий, вот-вот принесут плоды. Скоро, совсем скоро Наше величие засияет во времени и в пространстве.

Под кожаным нагрудником мое взволнованное сердце забилося сильнее. Впервые Король раскрыл передо мной свои грандиозные планы, слухи о которых наводняли Двор: покорить день. Стать равным Аполлону. Безраздельно царствовать двадцать четыре часа в сутки. Неужели он близок к цели? Но как?

Золотая маска повернулась ко мне:

– Видите ли, маленькая мышь, есть один драгоценный камень, который особенно Нам дорог. Он находится в похищенной сокровищнице у вашего будущего супруга. «El Corazón de la Tierra», «Сердце Земли» – так его называют. Редчайший минерал, добытый в абиссальных глубинах мексиканских шахт, в недрах Новой Испании²¹. Флотилия, подвергшаяся нападению, доложила, что это исключительный алмаз – тонкий, круглый и крупный, как для игры в жё-де-пом²². Он необходим Нам для завершения чрезвычайно важной алхимической работы. Бледный Фебюс может оставить себе все остальное: золото и драгоценности. Но Мы были бы признательны, если бы он вернул нам этот уникальный по своим свойствам камень, который в любом случае бесполезен для него, потому что нужно понимать оккультные науки, чтобы уметь использовать алмаз по назначению. Помните об этом и убедите капитана вернуть «El Corazón». Действуйте осторожно, потому что Мы не хотим привлекать излишнего внимания. Тьма свидетель, Наш Двор переполнен предателями и интриганам. Вам особенно это хорошо известно после раскрытия заговора де Ля Ронсьера. Но вы пользуетесь Нашим доверием, Мы можем положиться на вас.

Так вот какова цель этого последнего тет-а-тет: помимо официальной миссии Нетленный поручил мне тайную. Он никогда и ничего не делал просто так. Не только мой «блестящий» ум, как недавно подчеркнул монарх перед Двором, стал причиной такого выбора, но и, по его мнению, моя абсолютная верность и преданность.

– Сделаю все возможное, Сир, – с запинкой ответила я, погружаясь в вихрь мыслей, заполонивших голову.

Нужно найти способ до отъезда предупредить Главного Конюшего. Необходимо рассказать ему о том, что Король как никогда близок к своей гнусной цели. Я ничего не знала о «El Corazón de la Tierra», но, возможно, мой наставник в курсе...

– Сделайте больше возможного, – приказал Нетленный. Он сжал ледяные пальцы на моем запястье, рискуя переломить его словно соломинку. – Осенью во время вашего с молодым супругом официального визита в Версаль вы привезете Нам «El Corazón». И тогда на рассвете 31 октября в трехсотлетний юбилей Нашей трансмутации Мы взойдем вместе с солнцем!

Я замерла от ужаса, представив эту картину: Король Тьмы и его Двор покоряют день, уничтожая последнее убежище, доступное смертным. Уже в следующую секунду суверен отпустил мою руку и хлопнул в ладоши:

²⁰ Эспланада – широкое, открытое пространство.

²¹ Новая Испания – испанская колония в Северной Америке в XVI–XIX вв.

²² Жё-де-пом – старинная игра с мячом в XIII–XIV вв. во Франции, Италии, Англии. Прообраз тенниса.

– Аудиенция окончена! Сейчас мои люди снабдят вас последними рекомендациями перед отъездом.

Тотчас одна из дверей Галереи Зеркал распахнулась, и появились ближайшие советники Короля: Главный Архиастр Экзили, маркиз де Мелак и принцесса дез Юрсен. За ними следовали три оруженосца: Прозерпина, Зашари и Рафаэль.

– Мадемуазель де Гастефриш, все готово! – объявила министр иностранных дел. – Вас будет сопровождать вторая карета с багажом, заполненным под моим руководством большим количеством нарядов, косметики и украшений.

– Благодарю вас, мадам, – ответила я. – Но я не сильна в искусстве строить глазки и носить парюры²³.

– Что ж, придется учиться. У вас будет четыре недели, чтобы пересечь Атлантику, отточить навыки оболъщения и углубить знания о Вест-Индии. Вы воспользуетесь уроками специально подобранной свиты.

Принцесса указала на оруженосцев:

– Трое из ваших компаньонов по оружию отплывают вместе с вами. Прозерпина Каскллифф в совершенстве владеет искусством оболъщения, если верить полученному нами длинному списку ее поклонников во время учебы в Гранд Эжюри. Уверена, она обучит вас паретройке трюков.

Я была шокирована тем, что ко мне приставили преподавателя по искусству оболъщения. Но еще больше тем, что даже в школе Гранд Эжюри первый дипломат королевства имела осведомителей, докладывающих ей о флирте учеников. Прозерпина заговорщически подмигнула мне. Этой шалости было достаточно, чтобы она стала прежней Поппи с глазами, подведенными угольно-черными тенями, той забавной подругой, с которой кругосветное плавание пройдет легче.

– Зашари де Гран-Домен знает Америку и близлежащие острова, – продолжила дез Юрсен. – Юноша – сын Филибера де Гран-Домена, крупного владельца плантации сахарного тростника в Луизиане. Юноша подготовит вас к жизни в этом регионе, который отныне станет вашим новым домом.

Луизианец не собирался подмигивать мне. Он хранил такое же бесстрастное, строгое выражение лица, которое поразило меня еще в кулуарах дворца, когда мы вместе с ним обнаружили лейтенанта де Фабеля. Да уж, трансатлантическое путешествие, несомненно, позволит мне лучше понять самого загадочного из оруженосцев.

– И наконец, Рафаэль де Монтесуэно будет выступать переводчиком в переговорах с главным союзником в регионе Антильских островов – Новой Испанией, которая регулярно выплачивает солидный налог Франции золотом. И вам будет полезно выучить несколько элементарных фраз на испанском.

Вечная бледность меланхоличного кабальера, резко контрастирующая с волосами цвета воронова крыла, сегодня была особенно мертвенной. Похоже, отъезд в Америку и его не приводил в восторг.

– Щедрой рукой Король выделил в ваше распоряжение половину своих оруженосцев, – заключила принцесса.

– Половину? – удивилась я. – По подсчетам, нас будет четверо из шести.

– Не включайте себя в их число, – поправила меня вампирша. – С момента вступления в брак вы освобождаетесь от статуса оруженосца. Это почетное место займет вновь избранный в борьбе за «Глоток Короля».

В горле пересохло. Меня, преодолевшую столько испытаний, чтобы добиться цели, чтобы саботировать власть монарха в самом сердце королевства, уже сбросили со счетов? Сумею ли

²³ Парюра – драгоценность, ювелирное украшение.

я принести пользу Фронде за тысячу лье²⁴ от Короля? Надеюсь, совет Монфокона был верен и я сделала правильный выбор.

– Наконец, новобрачной потребуется молодая компаньонка, – объявила принцесса. – Доверенное лицо, которое не просто сопроводит в трансатлантическом вояже, но и останется рядом с вами, когда вы получите титул герцогини. Главный Архиатр лично выбирал сопровождающую.

– Главный Архиатр? – прошептала я, холодея от дурного предчувствия.

Экзили изобразил подобие улыбочки, такой же мертвенной, как оттенок его плешивого черепа, торчащего над огромным белоснежным воротником «фреза»²⁵. Я выдавила ответную улыбку, в душе понимая, что от этого монстра, триста лет назад трансмутировавшего Людовика XIV, можно ожидать любых сюрпризов.

– Не стоило беспокоиться, Ваше преосвященство, – мрачно пробубнила я.

– Рад помочь, – прошипел тот.

Он махнул рукой в сторону дверей, обнажив длинные пальцы с желтыми ногтями. Немедленно от стены отошла фигура, которую мы до этого не замечали: невысокая темноволосая девушка. Она двигалась механически, прихрамывая, словно марионетка, которую дергал за невидимые ниточки кукловод. Девушка напомнила мне преподавателя куртуазного искусства – генерала Барвока, инвалида войны, состоявшего целиком из гаек и протезов. В неровной, прерывистой походке марионетки слышался металлический скрежет. Нетрудно было догадаться, что складки модного платья скрывали сложный механизм, ничего общего не имеющий с человеческим телом. Огромные железные очки, дужки которых были ввинчены в виски двумя тяжелыми болтами, скрывали половину лица, показавшегося мне знакомым...

– Франсуаза дез Эскай! – ахнула Поппи, узнав одновременно со мной нашу бывшую одноклассницу из Гранд Экюри.

Во время учебы Франсуаза была самой прилежной из учениц, любимицей учителей и козлом отпущения для таких негодяек, как Эленаис. Но во время испытаний за «Глоток Короля» с ней произошел несчастный случай: выпав из седла, она попала в inferнальные пасти вампирических кобылиц Нетленного. Перед глазами всплыла та жуткая сцена, когда чудовище откусывало руку несчастной. В конце испытаний все, что осталось от бедной девушки, увезли в лабораторию Факультета. Никаких вестей о ней не поступало, и я думала, что она давно мертва... Но вот, спустя несколько месяцев, Франсуаза появилась вновь. Неужели это растерянное создание, починенное на скорую руку хирургами Факультета, – та самая одноклассница, которую я знала? Или ее создали, чтобы приставить ко мне?.. Шпионить за мной по поручению Экзили?

Я вглядывалась в черты Франсуазы и не находила ответа: толстые, матовые стекла очков, ввинченных в череп, скрывали глаза девушки.

– Мадемуазель дез Эскай не сможет поддержать разговор. Боюсь, что несчастный случай несколько повредил ее разум, – вкрадчивым голосом шипел Главный Архиатр. – Но она, как преданная собака, всюду тенью будет следовать за вами.

Улыбочка на лице Главного Архиатра сменилась хищным оскалом. Он раскинул руки, приглашая нас приблизиться: меня и мою свиту.

– Подойдите. Чтобы скрепить ваш тандем, я предлагаю заключить Договор на крови. Ваши руки, пожалуйста!

Кровь – высшая ценность, священные чернила, с помощью которых Магна Вампирия пишет свою смертоносную историю... У меня нет другого выбора, кроме как протянуть руку

²⁴ Лье – старинная французская мера длины. 1 лье = 4,444 км.

²⁵ Воротник «фреза» – круглый гофрированный воротник из накрахмаленной ткани, плотно обтягивающий шею. Принадлежность мужского и женского костюма знали в Европе XVI–XVII вв.

вслед за Поппи, Зашари и Рафаэлем. Франсуаза молча подчинилась. Главный Архиатр вынул из пурпурной мантии золотую булавку и по очереди проткнул нам ладони. Немедленно выступили четыре капли алой крови. К ним присоединилась пятая, фиолетовая, из руки Франсуазы. Кто знает, какую Тьму ввел в ее тело Факультет...

В то время как мы пожимали руки, смешивая кровь и скрепляя договор под зорким оком главного прелата королевства, душераздирающий вопль донесся из садов. Прямо под окнами один из смертных только что оказался в клыках вампира.

– Клянусь Тьмой, придворные веселятся от души, – завистливо воскликнул маркиз де Мелак. – Не терпится к ним присоединиться... как только Ваше Величество позволит, разумеется.

Словно в ответ на страшные речи за дверями галереи раздался звонкий топот бегущих ног и рычание швейцарских гвардейцев на посту.

– Позвольте увидеть Короля, умоляю! – послышался отчаянный крик.

Министр Армии презрительно усмехнулся:

– Только посмотрите, одна из жертв галантной охоты пытается перехитрить судьбу. Искать убежище во дворце – жалкое зрелище! Осмелиться требовать аудиенции монарха – неслыханная дерзость!

За дверью несчастный продолжал кричать:

– Сир, вы слышите меня, заклинаю! Откройте, или я умру!

Де Мелак искренне расхохотался:

– Добыча не из робкого десятка. Ха-ха! «Откройте, или я умру!» Лучше не придумай! Этот мешок горячей крови на лапках не лишен юмора!

– Замолчите, де Мелак! – приказал громовой голос Короля. – Вместо того чтобы глупо смеяться, как солдафон, лучше бы прислушались в своему вампирическому чутью. Индивид за дверью не имеет ни капли горячей крови в венах. Пусть войдет!

Двери распахнулись, впуская бессмертного и подтверждая сверхчеловеческую интуицию Короля. Длинные рыжие волосы вампира обрамляли юношеское лицо, перекошенное от боли: Александр де Мортанж, виконт Клермонский, не мог сдерживать своих пылких чувств.

Он бросился к подножию трона и рухнул на колени.

– Ваше Величество, не отнимайте у меня Диану! Лучше осиновый кол в сердце!

– Каким образом Мы можем отнять у вас то, что вам никогда не принадлежало, де Мортанж? – холодно возразил суверен. – При Дворе союз, не освященный Нашим волеизъявлением, ничего не стоит.

Противно, когда о тебе говорят, как о вещи. Однако тиран прав: я никогда не принадлежала Александру. Если он был влюблен в баронессу, каковой меня считал, то я, напротив, никогда не испытывала к нему ничего, кроме отвращения. Да, в прошлом я притворялась в своих чувствах, но исключительно по расчету, когда того требовала ситуация. В душе я всегда мечтала вбить в его грудь кол, тот самый, о котором он только что упомянул, ведь это он прикончил мою мать там, в Оверни, выпив ее кровь из флакона.

– Мы любим друг друга, – молил вампир. – С той самой первой ночи, проведенной вместе, да что там, с первой секунды.

Александр резко повернулся ко мне. В свете люстр его бледная кожа приобрела мраморный оттенок смерти, свойственный всем кровопийцам. Но дрожание рыжих бровей прекрасно имитировало живые эмоции.

– Скажи, Диана, моя серебристая звезда, – обратился он ко мне. – Скажи нашему великому Королю, что друг без друга мы не проживем.

– Смирись, Александр! – я притворно вздохнула, изображая покорность. – Нужно подчиниться воле Короля.

Де Морганж испустил полный драматизма вопль, достойный трагедий Расина²⁶, которые на протяжении последних трехсот лет занимали первые строчки театральных афиш Парижа.

– О, жестокая! Как холодны твои речи!

– Это судьба. Не в нашей власти отказаться от нее.

Появились швейцарские гвардейцы, чтобы вывести Александра из тронного зала. Но последний выскользнул из их рук, вызвав злобные окрики королевских министров. Он подбежал к стене, украшенной лепниной, и... ящером вскарабкался по ней.

Я почувствовала дурноту, наблюдая, как вампир пополз по вертикальной стене. Сцена всколыхнула воспоминания о нашей первой встрече в замке де Гастефриш прошлым летом: виконт магическим образом появился на самом высоком балконе особняка, где находилась спальня Дианы, в которой я пряталась. Теперь я знала, какое непостижимое чудо помогло ему. Вампир не подчинялся законам гравитации. Тьма проявила в нем этот темный дар.

– Для меня невыносима перспектива вечности без тебя, – крикнул он, свесившись с потолка.

Фалды его камзола болтались в воздухе. Длинные рыжие волосы повисли вокруг лица, искаженного отчаянием. Швейцарские гвардейцы тщетно размахивали алебардами, пытаясь скинуть вампира, как насекомого-вредителя, проникшего в дом.

– Почему ты молчишь? – не унимался де Морганж. – Ты хочешь моей Абсолютной Смерти? Ты этого хочешь, жестокая?

Спектакль вампира-ящера в одежде придворного вызвал головокружение. Его пронзительные вопли оглушили. Я отвернулась, не в силах больше выносить это зрелище.

Александр тяжело спрыгнул на пол, приземлившись, как рептилия, на четвереньки, чтобы смягчить удар. Швейцарские гвардейцы тотчас схватили его. Виконт позволил себя увести, более не сопротивляясь. Секундой позже золотые напольные часы, украшавшие камин Галереи Зеркал, пробили в унисон, отметив два часа ночи.

Голос Короля вырвал меня из воспоминаний о нелепом фарсе:

– Де Морганж не подвергнется Абсолютной Смерти, но лишится всех придворных почестей, что для него, светского льва, будет равносильно смерти. – Нетленный хлопнул в бледные ладоши: – Довольно разговоров! Пришло время покинуть Нас, мадемуазель! Вас ждет карета.

– Благодарю, Сир, – произнесла я, с трудом приходя в себя, – только позвольте забрать последнее платье из Гранд Эжюри.

...и предупредить Главного Конюшего о том, что вы в двух шагах от заражения дня своим демоническим ядом. Де Монфокон должен во что бы то ни стало узнать о существовании «El Corazón de la Tierra», этого проклятого алмаза, способного закрепить окончательную победу Тьмы над Светом.

Монарх покачал головой, черные локоны фантастической шевелюры взвились, словно разъяренные змеи.

– Надо было думать о платьях, когда вы прощались с друзьями! Не тратьте драгоценное время на старые тряпки. Ваш багаж уже заполнен доверху самыми изысканными нарядами. Приказываем отправляться немедленно, чтобы прибыть в Нант как можно раньше. Увидимся осенью на Нашем юбилее, когда вы вернетесь, чтобы оказать Нам почтение со своим мужем – герцогом.

Король сопроводил свою речь пронзительным абиссальным взглядом, как бы напоминая о нашей тайной аудиенции, о том, что я должна вернуть «El Corazón de la Tierra» в его руки.

Я нервно оглянулась на свою свиту, которая отныне каждую секунду будет ходить за мной по пятам. Удастся ли за пределами дворца убедить их дать мне минутку, чтобы заглянуть в

²⁶ Жан-Батист Расин – великий французский драматург XVII в.

Гранд Эюри? С Поппи не должно быть особых проблем, и Рафаэль кажется слишком погруженным в свои черные мысли, чтобы думать о чем-нибудь еще. Но Зашари, несомненно, будет с точностью до буквы следовать всем приказам Короля, и кто знает, как отреагирует то существо, в которое превратилась Франсуаза дез Эскай?

Я ломала голову над подходящими аргументами, убедительными для непреклонного оруженосца и новой компаньонки, как чья-то ледяная рука опустилась на мою кисть. На этот раз ничего общего с жуткой хваткой Короля Тьмы я не ощутила: прикосновение было мягким и деликатным, но в то же время сильным.

Я повернулась, чтобы встретить взгляд принцессы дез Юрсен. Из всех вампиров при Дворе, которых я видела близко, она всегда казалась мне более... живой. Ее кожа отличалась розоватым сиянием, которого не было у других бессмертных. Но вблизи я заметила, что этот цвет – плод искусного макияжа: крупинки пудры мерцали на ее щеках, на этой давно умершей плоти.

– Идемте, Диана, не возражаете? – мягко велела она.

– Не понимаю, мадам, – пролепетала я. Ужасная догадка пронзила меня. – Вы хотите сказать... вы едете с нами?

– Ваш брак – международный альянс. Само собой разумеется: как министр иностранных дел, я буду сопровождать вас до самых границ королевства.

4

На борт!

Нескончаемую пытку, вот что я испытывала с момента своего отъезда из Версаля.

Наш кортеж ехал без остановок, меняя лошадей на почтовых станциях. Ночи я проводила на обтянутом бархатом диванчике, который делила с дез Юрсен и дез Эскай, – жестокая ирония, как прообраз моей будущей жизни в море среди морских ежей и рыбьей чешуи²⁷. На противоположной стороне расположились три оруженосца. Дипломат, в совершенстве владеющая искусством светского разговора, с приятной улыбкой, не покидающей ее лица, часами умело вела разговор с нами, сыпала бесконечными анекдотами и историями из многовековой жизни при Дворе. Но за всей болтовней от меня не укрылся ее внимательный изучающий взгляд. При свете фонаря, раскачивающегося на потолке кареты, она как будто нащупывала мое уязвимое место.

Днем принцесса отдыхала в гробу в люке кареты, но я не чувствовала себя свободнее. Отвратительная компаньонка неотступно следила за мной пустыми глазами, размытыми за толстыми стеклами очков. Закрывала ли она хотя бы иногда веки за этими чудовищными линзами? Может, Факультет сознательно лишил ее способности спать, так же как и способности говорить? Я ни разу не видела, чтобы девушка ела или пила, казалось, она перестала быть живой плотью, превратившись в машину.

Зашари и Рафаэль тоже хранили угрюмое молчание, каждый погруженный в свои мысли. И только Поппи нарушала монотонную череду своих игривых восклицаний взрывами хриплого фирменного смеха. Она была счастлива наконец увидеть Америку, страну, о которой так долго мечтала.

– Тебе повезло! – сказала мне подруга на пятый день, накануне нашего прибытия в Нант. – Какая интересная жизнь, полная приключений, ожидает тебя в тропиках! Тогда как мы должны будем вернуться в гризайль²⁸ Версаля, согласен, Заш?

Компания подозрительного луизианца не раздражала девушку, напротив, еще во время учебы в Гранд Экюри она признавалась, что испытывает к парню тайные чувства.

– Тропики так же мрачны, как и Версаль, я кое-что об этом знаю, – неприветливо отозвался юноша. – А в остальном место оруженосца там, куда призовет его Король.

Поппи закатила глаза:

– О-ля-ля! Я будто слышу Сураджа! Долг прежде всего, да? – Девушка поднесла руку к виску, изобразив воинское приветствие. – Вуаля! Бравые солдатики Магны Вампирии: испанец в вечном трауре и очкарик с зашитым ртом. Чувствую, здорово повеселимся в дороге.

Ее шутовство не тронуло Зашари. Я же под прикрытием улыбки сжала зубы. Англичанка уже оплакивала свое возвращение в Версаль, а я бы дорого отдала, чтобы на часок вернуться и предупредить Главного Конюшего о грозящей опасности. Необходимо найти способ сообщить о существовании «El Corazón». Будучи эрудитом, он наверняка знал, какое значение имеет этот алмаз и каким образом Король намерен использовать его. Монфокон мог бы организовать контрудар или, по крайней мере, подготовить Фронду к беспрецедентному нападению кровососов. Но как связаться с ним? Почтового ворона могли перехватить, к тому же я находилась под постоянным наблюдением.

²⁷ Здесь игра созвучных французских слов: Ursins – имя принцессы и oursin – морской еж; Escailles – имя одноклассницы и écaille – чешуя.

²⁸ Гризайль – однотонная живопись, чаще всего в оттенках сепии или серого.

Слишком возбужденная, чтобы обратить внимание на мои горести, Поппи открыла окно кареты, позволив ветру играть с ее непослушными прядями, которые выбились из феерического шиньона, подхваченного джинсовой лентой с неровной кромкой.

– Ммм, этот йодированный аромат! Delicious!²⁹ – воскликнула она, прикрыв угольно-черные веки. – Я его узнаю среди тысячи: запах моря!

В отличие от меня, родом из деревушки, затерянной между двух гор, Поппи родилась на морском побережье.

– Море... – повторила я, пробуя на вкус это слово. – Никогда его не видела... Только в книжках.

Я задумчиво блуждала взглядом по бретонскому небу, затянутому тучами. Похожа ли морская пена на рваную белизну облаков? А морская качка на укачивание кареты? У меня не получалось представить океан. Мой утомленный мозг, день за днем напрасно пытаюсь найти способы незаметно связаться с Главным Конюшим, вымотался, истощился. Ему хотелось отрешиться от всего...

...забыться...

...уснуть...

Волна убаюкивает меня и уносит.

Все еще плавные движения кареты?

Или уже воды Атлантики?

Я уставилась в темноту. На деревянных балках над моим ложем, где я расположилась, танцуют блики слабого огня. Разве на борту королевских кораблей есть камин? Сомневаюсь...

Комната не похожа на каюту, а плавные покачивания – на морские волны. Чем дольше я рассматриваю потолок, тем больше знакомым он мне кажется. По балкам тянутся неразборчивые фразы: мой отец, аптекарь, имел привычку вырезать на досках цитаты из любимых книг. И это знакомое лавандовое саше на стене: мама, травница, мастерила такие, чтобы очищать воздух нашего жилища. Значит, я в своей комнате на Крысином Холме!

Охваченная волнением, я пытаюсь встать, но у меня не получается: конечности перевязаны прочными лентами. Я отрываю голову от подушки, чтобы посмотреть, в чем дело, и испускаю вопль: мое тело уменьшилось! Длина его не больше нескольких десятков сантиметров. Оно туго завернуто в белую ткань, точно тельце мумии в миниатюре.

Внезапно чья-то тень склоняется надо мной, заслонив свет камина. В панике, я извиваюсь всем телом, чтобы высвободиться, но безуспешно.

– Тихо, малышка.

Я замираю. Этот голос. Голос моей мамы. Покачивание остановилось, потому что мама перестала качать колыбель. Она хочет освободить меня от тесного кокона. В размытом контр-ажуре тлеющего огня я не могу разобрать ее черты, но слышу аромат шалфея и розмарина. Сердце успокаивается. Длинные проворные пальцы развязывают пеленки, которые давят на мои плечи. Я тянусь к маме, чтобы обнять, – о, какие же у меня короткие и пухлые ручки, совсем крошечные! Мама берет мою руку в свою, крепко сжимает ее, чтобы обездвижить: я – гномик во власти гиганта.

Холодный блеск металла привлекает мое внимание. Мама сжимает в руке острый предмет. Это... шприц? Она направляет иголку в мою руку. Быстрым движением делает прокол. От боли и страха я захожусь в крике.

²⁹ Delicious (англ.) – восхитительный, вкусный.

Я распахнула глаза, сдерживая крик, готовый разорвать горло. Мои ноги неистово дергались, как у повешенного, чьи конечности свободно болтались в воздухе. Прищурившись, я узнала обстановку: диванчик, на котором уснула, сумерки, просачивающиеся сквозь окно кареты. Пурпурно-красные.

Кошмар!

Это всего лишь кошмар. Несколько месяцев он не мучил меня. Последний посетил в Париже, в середине зимы. Каждый раз, когда я умирала во сне при страшных обстоятельствах, ситуация повторялась позже, наяву, в реальной жизни. «Глоток Короля», видимо, проявил во мне способность видеть вещие сны – без сомнений, это был мой темный дар. У каждого оруженосца, пригубившего кровь Короля, он свой.

Однако сегодняшний сон иной. Я находилась не в будущем, а в прошлом. Крошечное тельце было моим. Тесные простынки, в которых меня запеленали... Я – тот младенец в люльке. Это мои воспоминания из раннего детства? Нет! Не может быть! Мама никогда не брала в руки шприц, отец занимался забором крови у жителей деревушки и делал это с тяжелым сердцем, вынужденно: Гематический Факультет обязывал аптекарей каждого населенного пункта Франции собирать десятину. При этом папа не трогал детей в возрасте до семи лет.

Кошмарное видение не могло быть моим воспоминанием. Вероятно, душевные муки от разлуки с родителями спровоцировали одиозную фантазмагорию, причудливую галлюцинацию. Постепенно мираж тускнел в моей памяти.

– Диана, все в порядке? – прозвучал обеспокоенный голос.

Я растерянно подняла глаза. На диванчике напротив с участием взирала на меня Поппи. Рядом сидели Зашари и Франсуаза, но никаких следов присутствия Рафаэля не было.

– Просто дурной сон. Задремала на минутку.

– На минутку, ну ты скажешь! – воскликнула подруга. – Ты спала как убитая! А мы уже час, как в Нанте.

В Нанте?.. И в самом деле, карета не двигалась. Через окно темнели фасады портовых зданий; крыши домов, над которыми кружились чайки. Я прислонилась лбом к стеклу, сощурившись от солнечных лучей. И увидела его: море! Оно ослепило меня. Никогда в жизни я не видела ничего подобного. Оно было невероятно огромным. Бесконечным, головокружительным, пламенеющим в лучах заходящего солнца. На закате вырисовывался лес из мачт гавани, на набережной силуэты матросов исполняли замысловатые балетные па.

– Посмотри, вон наш корабль, – Поппи указала на абсолютно черное, от корпуса до парусов, судно. – «Невеста в трауре». Мы ждем ночи, чтобы, когда проснется принцесса, взойти на борт. Рафаэль воспользовался остановкой, чтобы размять ноги.

Кровь запульсировала в висках: вот он, мой шанс!

– Мне тоже нужно пройтись, – произнесла я.

Зашари нахмурился:

– Принцесса дез Юрсен не давала разрешения.

– А Рафаэль постучал по крышке гроба перед тем, как прогуляться? Я не собираюсь чайкой улетать отсюда. Вернусь до захода солнца.

Поппи немедленно согласилась со мной. После пятидневного вояжа без возможности уединиться с оруженосцем девушка страстно желала остаться с ним тет-а-тет:

– Позволим ей перевести дух, Заш. В любом случае очкарик последит за ней, следуя по пятам.

В самом деле, едва я двинулась в сторону двери, как Франсуаза сделала то же самое. Каждый ее жест сопровождался резким металлическим скрежетом. Что ж, придется смириться с надоедливой компаньонкой... во всяком случае пока.

Я ступила на мостовую. После морского зрелища, которое ослепило, симфония звуков взорвала слух: крики чаек и докеров³⁰, хлопанье парусов на ветру, плеск волн о корпуса судов. Мощный запах йода и морских водорослей взбудоражил сердце, как и вид вздымающихся вдалеке волн. Оставив позади карету, я направилась в конец гавани к «Невесте в трауре». Вблизи черная махина корабля впечатлила еще больше. Единственным светлым пятном был флаг, развевающийся на корме, белое полотнище с золотой летучей мышью. Знамя Франции. Нос корабля украшала галльонная фигура – женщина в траурном платье с вуалью на лице. Сама мрачная невеста в трауре...

Я пробралась сквозь толпу рабочих, заканчивающих разгрузку продовольствия, на понтонный трап, по которому можно было взойти на корабль.

– Эй вы, дамы! – крикнул солдат морской пехоты, вооруженный ружьем. – Никто не вправе подниматься на борт без разрешения капитана Гиацинта де Рокайя!

Я проскользнула мимо охраны и легко перепрыгнула на борт, но Франсуаза не столь проворна – механические суставы, которыми одарил ее Факультет, замедляли движения несчастной. Наконец-то я освободилась от этой прилипалы! Натертая черным сияющим воском палуба отражала небо, как обсидиановое зеркало³¹.

– Доброго денечка! – прокричала я в воздух. – Я – Диана де Гастефриш, подопечная Короля и ваша пассажирка! Как я рада вскоре отправиться вместе с вами в море!

Матросы замерли и, отложив мешки и такелаж³², повернулись ко мне, вытаращив глаза. Большинство лиц были обезображены шрамами и рубцами, изборождены порезами. Лица корсаров, убийц, привыкших вспарывать животы и резать глотки экипажам, враждебным Франции.

Пользуясь вниманием, я решила идти до конца:

– Путешествие изнурило меня, я умираю от жажды: есть ли среди вас тот, кто может предложить стакан сельтерской воды?

Я принялась внимательно изучать грубые, обветренные лица, ожидая знака, натываясь на озадаченные и враждебные взгляды... пока не встретила светлые, нервно моргающие глаза. Они принадлежали мужчине сорока лет с тонкими усиками. Его ливрея прислуги окончательно убедила: это Клеант, камердинер, о котором говорил Монфокон.

– Следуйте за мной, мадемуазель, – отрывисто произнес он. – Я проведу вас в камбуз.

Я поспешила за ним, матросы вернулись к работе. Беглого взгляда через плечо хватило, чтобы убедиться: солдаты удерживали сопротивление Франсуазы и следовать за мной не решались, особенно после того, как я публично и громко заявила о своей причастности к Королю.

Мы с камердинером спустились по трапу и прошли на вторую палубу, где находилось бревенчатое помещение, заполненное сковородами, кастрюлями и чашами. Клеант закрыл за собой дверь.

– Не думал, что ты так скоро прибеgehнешь к паролю, – прошептал он, переходя на «ты», как было принято среди братьев и сестер по оружию в Народной Фронде. – Мы еще даже не снялись с якоря. Ты, должно быть, чертовски ловка, раз смогла улизнуть от вооруженных солдат. Капитан Гиацинт... если он когда-нибудь узнает, что ты взошла на борт без его ведома!

При упоминании имени капитана, который, должно быть, спал где-то здесь в недрах «Невесты в трауре», глаза камердинера нервно дернулись. Я вдруг задалась вопросом, а кто

³⁰ Докер – портовый рабочий.

³¹ Обсидиановое зеркало – зеркало из стекла вулканических пород. Используется в магических ритуалах.

³² Такелаж – работы, связанные с погрузкой, разгрузкой, перемещением тяжеловесных, крупногабаритных грузов и приспособлений.

этот фрондер, который, рискуя всем, проник на корабль, принадлежащий Королю Тьмы. Но знакомство подождет: время на исходе.

– У меня не было выбора, – торопливо объяснила я. – Мне необходимо связаться с де Монфоконом до моего отъезда. Я под постоянным надзором свиты, ты – единственная надежда. Есть ли другие фрондеры в этом городе, кто мог бы доставить сообщение в Версаль?

– Да, но уже почти вечер и скоро мы снимемся с якоря... – неуверенно пробормотал Клеант.

– Тогда нужно действовать быстро.

Я рассказала своему союзнику обо всем, что знала: об отвратительном королевском проекте покорения дня и о мистическом алмазе, добытом в Мексике, способном материализовать эти планы, если Нетленному удастся выманить его из рук Бледного Фебюса. Ошеломленный Клеант бледнел прямо на глазах. Через некоторое время мы с ним вернулись на первую палубу.

– Мадемуазель де Гастефриш утолила жажду, она хочет присоединиться к своей свите, – объявил Клеант солдатам морской пехоты. – Главный кок попросил меня забрать редкие специи, которые забыл на рынке. Я сбегаю за ними.

– Поторопись! – приказал ему матрос, чью надбровную дугу пересекал глубокий шрам. – «Невеста в трауре» не будет ждать тебя из-за нескольких пучков перца.

Клеант умчался, солдаты, удерживающие Франсуазу, отпустили ее.

– Не в обиду будет сказано, мадемуазель, но ваша подруга совсем не разговорчива, – обронил один из них.

– Скажем, разговаривает она кулаками, – подхватил другой.

Я заметила его подбитый глаз, в отличие от глаз Франсуазы, которые, как и прежде, скрывались за защитными линзами. Красноватый вечерний свет брезжил на болтах, ввинченных в виски, которые удерживали эти окуляры. Сложно было сказать, что больше раздражало меня – ее отсутствующий взгляд или безмолвие... Стало вдруг интересно, какие винтики приходили в движение в этой голове за толстыми стеклами? Остались ли у девушки мозги, или Факультет заполнил черепную коробку обычными шестеренками? Она молча следовала за мной, как собака, вечную преданность которой мне обещал ужасный Экзили.

У нашей кареты царило заметное оживление. Вероятно, министр уже проснулась? Непохоже. Вечер еще не наступил, хотя уличные фонари зажглись на фасадах зданий, а значит, принцесса еще покоилась в гробу. Зашари и Поппи, напротив, стояли возле кареты. Луизианец, позабыв о своей обычной сдержанности, злился на одного важного буржуа, одетого в дорогой редингот³³, расшитый золотой нитью. Позади них толпились тени понурых, сгорбленных людей, выстроившихся гуськом. Их темная кожа почти сливалась с сумерками: африканцы в лохмотьях. Они садились на пришвартованный рядом корабль, такой же толстопузый, как и его владелец. Сердце сжалось при виде тяжелых цепей, сковывающих пленников друг с другом. Рабы. Когда-то на Крысином Холме те редкие книги, которые я могла прочитать о рабстве, вызвали у меня отторжение, но зрелище этой ужасной практики в жизни было во сто раз хуже.

– Рабство запрещено на территории Франции, – возмущался Зашари.

Впервые я видела его таким. Последний отблеск заката отбрасывал пылающие лучи на молодое лицо, объятые гневом. Издалека доносились крики чаек, бурно ссорившихся над остатками улова от рыболовных судов, возвращающихся в порт.

– Мы на французской земле транзитом, – возразил судовладелец. – Речь идет о простом образце племени с западных берегов Африки, который я привез в Нант, чтобы мои компаньоны оценили качество. Дело уже сделано: джентльмены согласились, что это отребье солидное и

³³ Редингот – сюртук для верховой езды.

годится к полевым работам. Мой невольничий корабль, прежде чем отплыть в колонии Америки, сначала отправится в Дагомею³⁴ пополнить трюмы сотнями других экземпляров.

– Дайте им хотя бы воды и хлеба, – прорычал Зашари, сжимая кулаки.

Судовладелец равнодушно пожал плечами:

– Я не Крез³⁵. Вода в ограниченном количестве, так же как и еда.

– Как вы смеете ограничивать этих бедных людей? Вы жируете за их счет!

Буржуа надулся. С его презрительных губ готовы были сорваться оскорбления, но он передумал, увидев королевскую эмблему солнца, вытисненную на нагруднике Зашари.

– При всем уважении, месье оруженосец, эти существа – всего лишь вьючные животные, – произнес он примирительным тоном. – Обыкновенный товар, торговля которым обогатит как казну королевства Франции, так и мою.

Толстяк вытащил из редингота дворянскую грамоту, скрепленную печатями.

– Вот мое разрешение на работорговлю, выданное в законном порядке министерством торговли Его Величества.

Зашари – первоклассный фехтовальщик. Ему достаточно вынуть из ножен шпагу, чтобы одним ударом перерубить и документ, и его владельца. Но он не двинулся, глядя на бумагу, словно она превратилась в непреодолимую стену. Документ напомнил ему, что постыдная работорговля одобрена волеизъявлением его Короля, суверена, которому он поклялся в абсолютной верности.

– Вот вы и образумились! – обрадовался торговец, убирая гнусную бумагу. – Судя по цвету вашей кожи, вы родом с островов. С плантациях Луизианы, верно? Сын хозяина и рабыни, я бы сказал. Черный Кодекс дает право на свободу таким отпрыскам.

Лицо Зашари оставалось твердым и замкнутым, губы плотно сжатыми, как и его кулаки. Он мог бы сбить спесь с отвратительного типа и гордо заявить о себе, как о сыне Филипа де Гран-Домена, своего отца, которого принцесса дез Юрсен представила нам как самого могущественного плантатора Луизианы. Но юноша не сделал этого. Зарево пламенело на его смуглой коже, черные глаза испепеляли ненавистью.

Буржуа воспринял молчание юноши как согласие.

– Я так и думал. Вместо того чтобы спорить, не лучше ли заняться делами. Не нужны ли плантации вашего отца дополнительные рабочие руки? – Толстяк повернулся к несчастным, которые уже поднялись на невольничье судно. – Я намерен погрузить шестьсот пар свежих рук в Дагомею. За вычетом неизбежных потерь во время трансатлантического рейса, думаю, через шесть месяцев смогу доставить пятьсот в Новый Орлеан. Вот моя визитка.

Он сунул карточку в руку Зашари, развернулся на каблуках и направился в сторону одного из роскошных зданий на набережной. Я с ужасом смотрела на эти высокие колонны, сложную лепнину, построенную на деньги от торговли людьми...

– Мне жаль, Заш, – прошептала Поппи, мягко коснувшись руки оруженосца, но юноша мрачно отмахнулся:

– Жалость тут не поможет.

Подруга нахмурилась. С ее губ, покрытых темно-красной помадой, готовы были слететь новые слова утешения, но помешал оглушительный звон. Колокольни Нанта оповещали о начале комендантского часа.

Когда последний удар набата стих, из кареты донесся гулкий скрежет – шум открывающегося люка. Сначала на мостовую ступила алебастровая ножка в изящной туфельке. Затем, грациозно склонив голову на лебединой шее, появилась принцесса. Она разгладила складки

³⁴ Дагомея – африканское государство, ныне Бенин.

³⁵ Крез – царь Лидии, известный своим несметным богатством.

платья из шелкового дамаста³⁶ цвета мальвы³⁷, поправила кружевную вуаль на волосах. Вампириша благоухала свежестью, как утренняя роза.

– Вот мы и прибыли! – пропела принцесса хрустальным голосом, окинув внимательным взором набережную. – К берегам, где наши пути разойдутся. – Длинные ресницы ее дрогнули. – А где кавальеро де Монтесуэно?

– Еще не вернулся с променада, – ответила Поппи. – Насколько знаю, прощается с лошадью. Кажется, людям он предпочитает животных.

– Хорошо. Пока ждем его, скажем последние слова друг другу. У меня подарок для вас, мадемуазель де Гастефриш.

– Подарок? – удивилась я, едва ли обрадовавшись. – Ваше общество во время путешествия стало самым прекрасным подарком для меня.

– Да, но кто будет рядом, когда вы останетесь одна в морском герцогстве? Компаньонка, которую назначил Главный Архиастр, вряд ли поддержит разговор. Позвольте представить вам вторую, более словоохотливую.

С этими словами принцесса обернулась к кучерам:

– Прибыла ли моя гостья?

– Да, мадам. Мы ее встретили, пока вы отдыхали.

Мужчина открыл дверцу второй кареты, той, в которой везли мое приданое новобрачной. Я увидела молодую особу в платье из бежевой фланели, более скромном, чем пышные туалеты придворных дам. Две длинные светлые косы по обеим сторонам от лица, тронутого веснушками, блестели в ореоле уличного фонаря. Внезапно меня охватила паника. Я никогда в жизни не видела эту девушку, однако знала ее. Бледные голубые глаза... Маленький курносый нос... Высокий выпуклый лоб.

– Вуалья! Мой подарок! – объявила принцесса. – Теплая встреча после долгой разлуки.

После разлуки? Я вымученно улыбнулась, не понимая, лишившись дара речи. Незнакомка обратилась ко мне, первыми же словами пригвоздив к месту.

– Дорогая кузина!

Живот скрутило от ужаса, колени подкосились. Вот почему черты ее лица мне знакомы! Они напомнили Диану де Гастефриш – ту, настоящую, которую я убила, спасая свою шкуру, чтобы после узурпировать ее личность. Я считала, что со смертью баронессы, как и смертью ее отца, род де Гастефриш навсегда угас. Я и помыслить не могла о дальних родственниках.

Растерянный лепет сорвался с моих губ:

– Я... э...

– Меня тоже переполняют эмоции, – прошептала девушка. Глаза ее блестели от слез. – Мы давно потеряли связь друг с другом.

– Слишком давно.

– Как мне вас не хватало!

– Вас... мне вас тоже...

Сердце мое неистово билось, грозя выскочить из груди. Рев чаек отдавался в ушах, оглушая сильнее, чем звуки набата. Достаточно малейшей детали, чтобы эта новоявленная кузина немедленно догадалась: я не та, за которую она меня принимает. Достаточно одной-единственной фразы, чтобы девушка раскрыла мое самозванство перед близким советником Короля и преданными ему оруженосцами. Как давно она не видела настоящую Диану де Гастефриш? Сейчас эмоции от встречи могли притупить ее воспоминания, а тусклый вечерний свет затуманить взор. Но завтра, при дневном свете будет ли «кузина» все так же пребывать во власти иллюзий?

³⁶ Дамаст – шелковая узорчатая ткань из г. Дамаск, Сирия.

³⁷ Мальва – цветок сиреневого цвета.

Незнакомка шагнула ко мне, раскрыв объятия.

– Дорогая Диана! – воскликнула она.

– Дорогая... кузина, – пробормотала я, понимая, что даже имени ее не знаю.

Принцесса дез Юрсен улучшила минуту, чтобы вмешаться:

– Прюданс приняла мое приглашение, не колеблясь ни секунды. Когда на прошлой неделе стало известно о вашем отплытии, я отправила своих агентов с депешей в бретонскую ветвь вашего рода с материнской стороны – де Керадек. Кузина простилась с родителями, чтобы с этого дня связать свою жизнь с вами.

Прюданс де Керадек, таково было имя девушки, отошла на шаг, чтобы лучше рассмотреть меня в тусклом свете фонаря.

– Я хотела приехать раньше, Диана, – голос ее дрожал. – Помните, в детстве мы были так близки, разговаривали обо всем на свете. Жизнь развела нас, но я так и не встретила друга ближе, поэтому завела дневник, которому уже много лет доверяю свои секреты.

«Не так уж они долги, эти годы», – подумала я. Чем отдаленнее воспоминания этой «родственницы», тем легче мне удастся обмануть их... пока я не найду способ избавиться от девушки навсегда.

– Как я обрадовалась, увидев ваше имя в газете, когда вы одержали победу за «Глоток Короля» в прошлом году! – продолжала она. – Какое облегчение испытала, узнав, что вы выжили во время покушения на вашего отца, дядюшку Гонтрана. Но ворота Версаля закрыты для мелких провинциальных дворян, таких как я и мои родители. Мы следили за вашими успехами издали, листая Меркюр Галан. – Прюданс перевела взгляд, полный слез, на министра иностранных дел. – Мне никогда не отблагодарить вас в полной мере, мадам дез Юрсен, за то, что вы пригласили меня.

– Это вполне естественно. У вас будет время наверстать упущенное во время трансатлантического путешествия. Однако пришло время отплывать. Монтесуэно еще не вернулся?

Кучера покачали головой.

– Тем хуже для него. Идемте.

Мы направились к кораблю, принцесса шла рядом с Зашари и Поппи, а я между Франсуазой и этой... «кузиной». Простой народ успел укрыться в своих жилищах, суэта в порту уступила место мертвой тишине. Кучера шли за нами, нагруженные тяжелыми сундуками с моим приданым. Смотря прямо перед собой, я не смела повернуться к Прюданс, боясь, что она поймет свою ошибку и разоблачит меня.

– Добро пожаловать на борт «Невесты в трауре», – объявил офицер на входе у трапа, с которого я сошла совсем недавно. – Я – лейтенант Эжен.

В отличие от солдат, стоявших на посту час назад, этот офицер, как свидетельствовало его бледное лицо, обрамленное длинными блестящими темными бровями, был вампиром.

– Разве капитан судна не поприветствует нас лично? – осведомилась принцесса.

– Гиацинт де Рокай приносит свои извинения, мадам. У него привычка вставать поздно и никогда не сходить на берег.

Дипломат нахмурилась:

– Моряк, не соблаговолит ради министра Короля встать пораньше, – это что-то новенькое. Впрочем, не стоит ждать элементарного проявления вежливости со стороны вульгарных корсаров.

На лице лейтенанта застыла дежурная улыбка.

– Вы сохранили традиции пиратов, – продолжила министр. – Простым языком, грабите и убиваете под прикрытием каперского свидетельства, подписанного рукой Короля. – Принцесса не удержалась и презрительно фыркнула. Она, которая всегда старалась сглаживать острые углы на дипломатической сцене! – Что ж! Эти манеры, несомненно, понравятся капитану Бледному Фебюсу, а это главное.

Вампирша повернулась ко мне, чтобы проститься. От ее объятий повеяло могильным холодом.

– Прощайте, дорогая! Я вас покидаю, но взамен оставляю вашу горячо любимую кузину. Вам есть о чем поговорить.

Она подтолкнула нас к трапу.

Поднимаясь на корабль, я с каждым шагом ощущала, как загоняю себя в ловушку, где буду вынуждена делить общество с так называемой родственницей не только во время длительного трансатлантического путешествия, но даже после него.

5

Кузина

Я захлопнула дверь каюты и заперла замок на два оборота.

Как только мы ступили на палубу корабля, я симулировала недомогание, якобы вызванное утомлением от перенесенной дороги. Настоящей же причиной дурноты была Прюданс. Четыре недели в море рядом с ней, без выхода на берег! От этой мысли хотелось кричать. Я знала, что не смогу вечно избегать ее. Черная желчь прилила к голове, вызвав мигрень, которая начала пульсировать где-то внутри черепной коробки. Я всегда страдала от избытка этой жидкости, так что сегодня моя болезнь не была притворной.

В поисках лазейки я оглядела тесную каюту с низким потолком – настоящую тюремную камеру. Желтоватый свет лампы освещал узкую кровать и лилипутский секретер. Единственный иллюминатор не давал никакой надежды – он слишком мал, чтобы через него пролезло тело, даже такое миниатюрное, как у меня. К тому же, сбежав, я бы разрушила надежды Фронды, возложенные на меня. Безвыходное положение!

Торопливо, с силой я нажала на изъеденную морской солью задвижку. Быстрее на свежий воздух, иначе задохнусь! В нос ударило дыхание моря: непривычный для меня запах, терпкий и тошнотворный одновременно. Корабль уже снялся с якоря? Вроде бы нет. Иллюминатор смотрел на порт, а значит, мы еще в гавани, абсолютно безлюдной к этому часу: карета принцессы дез Юрсен уже успела отъехать. По правилам комендантского часа все окна на фасадах богатых буржуазных домов закрывали ставни. Все... за исключением одного, слабо освещенного, на последнем этаже темного здания. Высокий силуэт нарисовался в тусклом контражуре масляной лампы. Кто этот полуночник, выглянувший из окна?

Вместо ответа тишину нарушил скрежет: отворилась тяжелая, обитая гвоздями дверь подвального помещения. Вывеска из кованого железа гласила: Постоялый двор «Отъезд». Из дверного проема выскользнул незнакомец и бросился к нашему кораблю. На середине пути он внезапно остановился и обернулся. В тусклом ореоле уличного фонаря я увидела его лицо. Рафаэль! Юноша оглянулся на окно под крышей... вернее, на того, кто там стоял. Сошурившись, я различила контуры тюрбана. Сурадж! Это он, оруженосец Короля! Я уверена в этом! Я единственная в Версале знала об их запретной связи. Неужели индеец специально приехал в Нант к возлюбленному вместо того, чтобы стоять в карауле королевского дворца?

Рафаэль развернулся и вновь помчался к «Невесте в трауре». Ставни на верхнем окне постоялого двора захлопнулись, издав сухой звук падающей гильотины. Я тоже закрыла иллюминатор, чувствуя смятение из-за того, что стала свидетельницей чужой тайны, которая на время отвлекла меня от моих собственных проблем. Но пришло время действовать!

* * *

Сначала послышались три удара, затем приглушенный голос произнес:

– Ваш напиток, мадемуазель!

Я кинулась открывать дверь. В проеме появилось лицо Клеанта. Позади него мягко покачивался фонарь, подвешенный к потолку узкого кулуара: корабль снялся с якоря. Камердинер прошел в каюту, поставил стакан шипучей воды на секретер. Я попросила принести сельтерскую воду, чтобы облегчить мигрень и увидеться с моим союзником.

– Мне удалось передать твое сообщение, – прошептал он. – Через ворона риск перехвата очень высок.

– Я и сама так подумала.

– И ты была права. Сейчас, в эту самую минуту наш фрондер во весь опор скачет в Версаль, чтобы предупредить Раймона де Монфокона о готовящемся плане Короля.

– Спасибо, Клеант. Со своей стороны я сделаю все, чтобы Нетленному не достался «El Corazón de la Tierra». Но нужно встретиться с Бледным Фебюсом до того, как будет раскрыто мое настоящее имя.

– Что ты хочешь сказать?

– Моя кухня на корабле.

– Ты говоришь о родственнице из Оверни, уцелевшей во время убийства твоей семьи?

– Нет, это кухня той мертвой, чье имя я узурпировала.

По мере того как я делилась неожиданными подробностями, выражение лица Клеанта менялось, губы под тонкими усиками задрожали.

– Но если она тебя разоблачит, то все потеряно! – испугался фрондер.

– Вот почему я должна идеально сыграть свою роль. И ты мне в этом поможешь.

– Я? Но как?

– Ты, в отличие от меня, можешь свободно перемещаться по кораблю. Тебе нужно проникнуть в каюту Прюданс, когда ее там не будет. Мне ничего о ней не известно, кроме того, что она ведет дневник. Если бы я смогла прочитать его, то многое узнала бы: достаточно, чтобы обмануть девушку.

Клеант кивнул.

– Передай моей свите и капитану, что я уснула, оставшись без сил после дороги. Хороший предлог, чтобы объяснить мое отсутствие за ужином.

Через час Клеант вернулся с блокнотом в мягком кожаном переплете.

– Я улизнул во время обслуживания стола. Осталось подать два блюда смертным и два бокала крови бессмертным: у тебя есть четверть часа, чтобы прочитать дневник. После я вернусь, чтобы забрать его и положить в ящик секретера, как раз перед возвращением Прюданс в каюту.

Клеант испарился бесшумно, тихой поступью не просто тайного камердинера, но опытного агента Фронды.

При слабом свете лампы, скрытая от посторонних глаз за дверью каюты, я нетерпеливо открыла обложку личного журнала девушки, словно крышку ларца с сокровищами. Какое разочарование! Всего лишь несколько первых страниц были исписаны мелким, аккуратным почерком. Без сомнения, передо мной лежал дневник, предназначенный для описания новой главы в жизни Прюданс. А я так надеялась почерпнуть из него множество ее детских воспоминаний. Ну что ж! Время не терпит. Я погрузилась в строчки, написанные прилежным детским почерком, так и видя перед собой маленькую послушную девочку с двумя косичками. Первая запись была сделана накануне: 28 марта 300 года Тьмы.

Дорогой дневник.

Решено, я еду в Америку! Я, кто никогда не покидал пределов поместья барона де Керадек, отправляюсь на другой конец света! Я так счастлива вновь встретиться с Дианой. Но мне немного страшно: любит ли еще меня кухня, ведь прошло столько лет? Она теперь важная особа при Дворе, а я до сих пор маленькая бретонка³⁸, никогда в жизни не путешествовавшая. В детстве я восхищалась ею как старшей сестрой, хотя между нами год разницы. Ты помнишь, как она переделывала за мной неудачные вышивки, исправляла ошибки в игре на клавишине, тайком давала почитать романы о запретной любви. Теперь нас разделяет не только год разницы в возрасте: Диана пережила тысячу вещей, а я почти ничего.

³⁸ Бретонцы – жители региона Бретань на северо-западе Франции.

Первые же строчки журнала тронули меня. Ожидая столкнуться с претенциозным повествованием самоуверенной аристократки, я увидела сомнения скромной деревенской девушки. Трудно отрицать, что всего год назад я была такой же: провинциалкой, никогда не выезжавшей дальше своей деревушки. И если я боялась, что Прюданс узнает правду, то и она сама выражала опасение, что может мне не понравиться. Похоже, старшая кузина Диана имела на нее влияние. Нужно запомнить это, чтоб после воспользоваться в своих интересах.

Я продолжила чтение, быстро пробегая пассажи, не имеющие конкретного значения, желая получить действительно важную для меня информацию.

А, вуаля!

Я попрощалась с родителями. Отец, барон Робер, велел вести себя достойно чести, которая мне выпала. Мама, баронесса Анжелика, пролила много слез не только из-за нашего скорого расставания. Мой отъезд напомнил ей о смерти ее дорогой сестры, мамы Дианы. Именно тетушка Селимена сплывала обе семьи, дорогой дневник. Можешь представить, каждую весну мама Дианы совершала вояж из Оверни в Бретань, чтобы месяц погостить у нас. Но в 290 году лихорадка забрала ее, и наша семейная связь ослабла. С тех пор я не видела Диану.

Нельзя было и мечтать об этом! Вот те самые детали, которые мне были так нужны! Я впитывала их, как молочную сыворотку, мои мозги работали на полную катушку. Дату рождения настоящей Дианы де Гастефриш – 5 мая 281 года – я знала еще из ее дворянских бумаг. То есть младшей кузине скоро исполнится восемнадцать. А это значит, что ей было восемь, когда девочки виделись в последний раз. Тем лучше! За десять лет многое могло измениться, как в психическом, так и в физическом плане. В 290 году настоящая Диана была еще ребенком, а сегодня Прюданс увидела перед собой молодую женщину, все изменения во внешности можно легко списать на половое развитие.

Я пролистнула восторженные, несколько растрепанные параграфы, где Прюданс изливала свои страхи и надежды.

Одним словом, дорогой дневник, я бросаюсь в омут с головой. Это волнует. Это пугает. Но лучше испытать неизведанные чувства, чем жить в предсказуемом комфорте поместья де Керадек. Ты станешь моим близким другом во время путешествия, по крайней мере до тех пор, пока я не подружусь с Дианой, не найду прежнего взаимопонимания, как когда-то в детстве.

Прекрасно! Только нужно следить, чтобы взаимопонимание не установилось слишком быстро, и продолжить собирать на этих страницах информацию о том, как я должна выглядеть в глазах кузины. С чувством огромного облегчения я закрыла дневник. Еще не все потеряно!

* * *

На следующее утро после пробуждения головная боль окончательно рассеялась. Убаюканная качкой, я выпалась на славу. В иллюминатор каюты уже заглядывало бледное весеннее солнце. Перед маленьким зеркальцем, прикрепленным над секретером, я привела себя в порядок, подхватила плащ, толкнула дверь каюты...

... и столкнулась нос к носу с Франсуазой.

Она стояла у моего порога, не двигаясь. Сколько времени девушка ждала меня, с тех пор как покинула свою каюту, что находилась напротив моей? Всю ночь? В тусклом коридоре ее лицо без эмоций напоминало застывшую маску. Даже в нескольких сантиметрах от себя я не могла увидеть ее глаз за чудовищными очками, которые Факультет ввинтил в череп несчастной.

– Э... разрешите? – попросила я, обходя ее. – Мне хочется немного подышать свежим воздухом.

Франсуаза молча двинулась следом, издавая этот ужасный скрежет, который сопровождал каждое движение кое-как залатанного тела.

Дойдя до главной палубы, я вышла на яркий свет. Бесконечность неба свободно раскинулась надо мной. На чистом горизонте не было ничего, за что мог бы зацепиться взгляд.

– Какие-то проблемы, мамзель? – бросил мне матрос, занятый сворачиванием каната.

– Э-э-э... нет, – пробормотала я, выдыхая облачко пара в холодный воздух.

Я заставила себя улыбнуться, но лицо мужчины оставалось непроницаемым, как дверь в темницу. Маленькие глазки, окруженные глубокими морщинами, внимательно следили за мной.

– Кажется, вас укачало в карете по дороге из Версаля, – продолжал он, намекая на мою мнимую болезнь накануне. – Только дорожная качка – это кот начхал по сравнению с морской! Оставались бы вы в постельке до самой Вест-Индии, вы и ваша сатанинская бонна, что сторожит вашу дверь точно собачонка.

Он смачно харкнул за борт черной от табака слюной, выразив презрение морского волка к таким, как я, сухопутным крысам. И не играло роли, что я – оруженосец Короля, да и вообще причина всей этой экспедиции, он дал понять, что мы здесь не более чем гости корабля, на борту которого он провел, без сомнения, всю сознательную жизнь. И даже если «Невеста в трауре» ходила под французским флагом, здесь – обособленная территория с собственными правилами, где не было закона о комендантском часе: корабль требовал постоянного внимания со стороны экипажа, даже если он в большей степени состоял из простолюдинов. Но закон о невыезде применялся, хотя и по-другому: этот матрос и его товарищи – узники корабля.

– Я привыкну к качкам, бывало и хуже, – притворилась я.

В качестве доказательства своих слов я отошла от мачты, направляясь к баку³⁹, но пол угрожающе задвигался под ногами. Я покачнулась, потеряла равновесие и удачно опустилась прямо в руки Франсуазы. Моей сатанинской бонны... Старый моряк даже не догадывался, что попал в самое яблочко!

Неожиданно появилась Прюданс, закутанная в толстое манто из серой шерсти. Она передвигалась так же неуверенно, как и я. Страх вновь тугой спиралью скрутился в животе. Момент, которого я боялась вчера, вот-вот настанет, бретонка увидит меня при дневном свете и сразу все поймет.

– Дорогая кузина, – воскликнула она, ее светлые косы развевались на ветру. – Надеюсь, вам сегодня лучше?

– Намного, – я старалась улыбаться как можно естественнее.

– И правда, вы светитесь. Такая же красивая, как и в моих воспоминаниях.

Спазмы в животе немного утихли. Де Керадек не физиономист. Тем лучше! Девушка бросила опасливый взгляд на Франсуазу:

– Вижу, вы в компании вашей... э-э-э... преследовательницы?

– Еще ни одна из спутниц так удачно не называлась со времен сотворения мира, – усмехнулась я. – Мадемуазель дез Эскай действительно неотступно преследует меня.

– Вам повезло, вас все время сопровождают, – ответила Прюданс, не уловив сарказма. – Мне же вчера было так одиноко за ужином. Оруженосцы впечатлили, вампиры еще больше. А капитан Гиацинт... я его боюсь.

Девушка дрожала под жестким пальто такого же простого кроя, что и платье. Я догадалась, что не только от холода. Неужели капитан «Невесты в трауре» так же страшен во плоти, как и его репутация? На кого он, интересно, похож? Ну что ж, скоро увидим. А пока надо убедиться, что у Прюданс не возникло сомнений.

³⁹ Бак – носовая часть палубы.

– Дорогая кузина, благодарю за то, что похвалили мой сияющий вид. Держу пари, вы заметили изменения, просто из вежливости не спрашиваете о них. Это от горя. Потеряв бедного отца, мои волосы побелели за ночь. А вот вы, напротив, свежи, как цветок. Бледный цветок... Вы немного бледны, дорогая... Все в порядке?

Я старалась нащупать малейшее сомнение, которое могло зародиться в девушке, но не обнаружила ни единого подозрения в ее больших тускло-голубых глазах, чья чистота контрастировала с огромными черными парусами, раздувающимися на морском бризе.

– Если вы находите меня бледной, то только потому, что я тоже приболела, – призналась она смущенно. – Желудок не смог переварить вчерашний ужин. Я... я думаю, у меня морская болезнь. И тоска по дому.

Внезапно я перестала бояться эту «родственницу», возникшую из ниоткуда. Вчера вечером я видела в ней Немезиду⁴⁰, явившуюся покарать меня за самозванство и ложь; сегодня утром передо мной стоял растерянный, безобидный ребенок.

– Тоска по дому пройдет, – уверила я ее, вживаясь в образ заботливой старшей кузины, описанной в личном журнале девушки. – Мне тоже, когда я приехала в Версаль, потребовалось время.

Робкая улыбка тронула губы Прюданс:

– Вы всегда были для меня примером, Диана. Еще маленькой я знала, что вас ждет грандиозное будущее. Посмотрите: сегодня вы на пороге герцогства под руку с покорителем морей. Вы – будущая правительница Двора Ураганов!

Наивность Прюданс смягчила меня против воли. Я будто слушала девочку, рассказывающую волшебную сказку и забывшую, что принцесса обещана кровожадному убийце. Я взяла ее руку в свою, нацепив маску «старшей кузины», которой старалась казаться в глазах девушки.

– Какого черта мы «выкаем» друг другу, кузина? Перейдем на «ты»!

Улыбка осветила лицо Прюданс, заставив танцевать озорные веснушки на щеках.

– О, ты согрела мое сердце, Диана! – воскликнула она. – Я боялась, что не узнаю тебя после стольких лет. Но ты совсем не изменилась.

Не изменилась? Определенно Прюданс, должно быть, в большей степени близорука, чем Франсуаза. Или, скорее всего, эмоции ослепляют ее. Что мне на руку.

– Только твои волосы стали действительно другими, – добавила она, рассматривая их. – Ты была блондинкой, как я. Но понимаю, страшная трагедия, что тебя постигла, изменила их.

Глаза Прюданс, поразительно похожие на глаза настоящей баронессы, увлажнились.

– Мне так стыдно, я жаловалась на тоску по родителям тебе, кто потерял своих при ужасных обстоятельствах.

– У тебя нет никаких причин ощущать стыд, Прюданс. И даже покинув дом, ты все равно мысленно связана с ним. Как только прибудем на острова, ты сможешь написать родителям и передать мои теплые чувства дядюшке Роберу и тетушке Анжелике в память о старых добрых временах.

Мы обнялись, обе испытав облегчение: Прюданс от того, что вновь обрела давно потерянную кузину, а я потому, что приручила эту незнакомку.

* * *

Первые дни в море я провела, привыкая к движению корабля. Присутствие неповоротливой Франсуазы принесло наконец пользу: каждый раз, когда я теряла равновесие, она подхватывала меня. Напичканная под одеждами железом, девушка при любых обстоятельствах устойчиво держалась на ногах, как на швартовых тумбах.

⁴⁰ Немезида – древнегреческая богиня возмездия.

Я довольствовалась болтовней с Прюданс, избегая глубоких копаний в воспоминаниях, которых у меня, конечно, не было. Сыпала безделицами вроде сплетен Двора и последней дворцовой моды. После завтрака, обычно состоявшего из сухого печенья и творога, торопливо проглоченного в кубрике, я проводила немного времени с Поппи, наблюдая за неразговорчивыми матросами, иногда выкрикивающими экзотические для моего уха термины – шкафут⁴¹, кабестан⁴², фок, кливер⁴³... стараясь их запомнить, потому что они очерчивали географию того мира, который вскоре станет моим: морского. Я начала носить распущенные волосы – при таком неистовом ветре невозможно было сохранить прическу. Высокий шиньон Поппи тоже слетел: непослушные локоны яростно хлопали девушку по плечам под лучами холодного солнца. Иногда я замечала фигуру Зашари, одиноко стоящую на юте – самой высокой точке судна на корме. Он упражнялся в фехтовании. Говорили, что оруженосец борется с невидимым врагом, и даже больше: с самим океаном. И никаких следов Рафаэля.

– Кажется, он успел взойти на борт в самый последний момент, – обмолвилась Поппи однажды.

Мы облокотились на леер⁴⁴ бака, рассматривая ледяные волны, на которых угасал день. Вглядываясь в горизонт, я почти забыла о молчаливом присутствии Франсуазы за спиной, в нескольких шагах от меня.

– Как и ты, Рафаэль вчера был не в духе, поэтому его не было за ужином, – заметила Поппи. – Она расхохоталась тем фирменным смехом, который принадлежал только ей. – Кажется, маленькому кабальеро куда уютнее на спине лошади, чем на палубе этой посуды.

Я не собиралась ей рассказывать о сцене на постоялом дворе «Отъезд», свидетелем которой нечаянно стала. Она была связана с тайной, которую узнала еще в прошлом году. Отношения Рафаэля де Монтесуэно и Сураджа де Джайпура попадали под двойной запрет. Во-первых, потому, что однополая связь отрицалась Гематическим Факультетом, зорко следящим за размножением человеческого поголовья. Во-вторых, потому, что Король гордился тем, что узаконивал браки своих оруженосцев. Вчерашняя встреча под покровом ночи больше напоминала любовное свидание.

– Ты заметила, Зашари тоже не очень общителен, – огорченно добавила Поппи. Девушка кивнула на ют, где луизианец в одиночестве шлифовал свое мастерство. – Думаю, зрелище загнанных рабов в Нанте шокировало его, и я понимаю почему. Это было... отвратительно! Мне бы хотелось поговорить с ним, но я боюсь ранить, не найти подходящих слов.

Голос Поппи дрогнул, глаза, в обрамлении длинных черных ресниц, потускнели.

– Дай ему время, – ответила я. – У тебя еще будет возможность: впереди целый месяц вояжа.

Подруга кивнула. Я почувствовала симпатию к девушке, которая остро чувствовала несправедливость мира там, где другие придворные стоя аплодировали бы. Возможно, однажды Поппи тоже присоединится к Народной Фронде?

Я прогнала опасную идею; Монфокон отправил меня за океан не для того, чтобы я вербовала англичанку.

– Вчера ты была на ужине, – перевела я разговор на интересующую меня тему, – он произвел сильное впечатление на Прюданс.

– Чтобы впечатлить твою нежную сестричку, не потребуется много усилий. В своем бретонском поместье она, должно быть, не часто видела бессмертных. Но нас, прибывших из Версаля, кишащего ими, кучкой хладнокровных корсаров не напугать.

⁴¹ Шкафут – средняя часть верхней палубы.

⁴² Кабестан – шпиль, вертикальный ворот.

⁴³ Фок, кливер – разновидности парусов.

⁴⁴ Леер – ограждение вдоль борта.

– Даже капитаном Гиацинтом де Рокайем?

Поппи присвистнула. Ее непослушные пряди змейками извивались на неутомимом ветру, придавая девушке вид античной медузы.

– О да, очень колоритный, тут я соглашусь с тобой. Тот тип лица, который уже не забудешь, посмотрев в его глаз.

– В его глаза, ты хочешь сказать?

– Эй ты, салонный рифмоплет, не строй из себя зазнайку! Думаешь, раз я англичанка, то легко ошибусь во французском? Единственное от множественного я могу отличить. И у корсара один глаз. Так что считай, нам повезло: если он одним глазом способен пронзить насквозь, то двумя испепелит на месте!

Мрачный перезвон подчеркнул ее слова: в штурвальной рубке матрос раскачивал бронзовый колокол. Даже в море, при отсутствии комендантского часа, ежевечерний набат объявлял о смерти дня и воскрешении вампиров.

* * *

Экипаж «Невесты в трауре» вместе с оруженосцами сидел за большим прямоугольным столом, прибитым к палубе кают-компании, самого просторного помещения, служившего также столовой и расположенного в кормовой части корабля. Огромный люк из дутого стекла в мелкий квадрат выходил на морскую гладь, поверхность которой возмущенно пенилась за кораблем. Богатая лепнина из черного дерева украшала стены с обеих сторон от люка, на палубе раскинулись толстые ковры с тонкой паутинной вышивкой. Верх шика – переносные жаровни были установлены по углам, распространяя умеренное тепло. Я скинула накидку, оставшись в нарядном платье, надетом специально к ужину. Посуда на столешнице из черного эбенового дерева ни в чем не уступала версальской: тарелки из тонкого фарфора и искусно выполненные столовые приборы стояли перед каждым смертным гостем. Даже имелись кольца для салфеток в роговой оправе, мягко поблескивающие в ритме плавной качки корабля. Перед полудужиной вампиров-офицеров выстроились ряды хрустальных бокалов, чтобы дегустировать различные сорта крови, поданные к ужину. Пустовало одно-единственное место: во главе стола, для капитана Гиацинта. Как объяснил его лейтенант принцессе дез Юрсен, хозяин судна не имел привычки вставать рано.

Я воспользовалась сей возможностью, чтобы понаблюдать за Рафаэлем, который не проронил ни слова с тех пор, как занял свое место между Франсуазой и Прюданс. Одетый в черную рубашку по моде испанского Двора, он упрямо не сводил глаз со своей пустой тарелки. Черные локоны падали на лоб и щеки, впрочем, не закрывая длинный шрам, который пересекал правую щеку. Рана была совсем свежей, ярко-красной. Не во время ли тайного свидания перед отходом нашего корабля испанец получил ее? Мог ли Сурадж быть ее автором? Очевидно, что-то произошло на постоялом дворе «Отъезд», но что?

Пока я задавалась этими вопросами, резко распахнулась дверь кают-компании, примыкающей к комнате капитана. Быстрым взором я окинула внутреннее пространство его жилища, где были расставлены фаянсовые горшки, реторты⁴⁵, колбы, наполненные сухими лепестками. Совсем как в лаборатории моего отца – аптекаря. Ледяной порыв ветра ворвался в кают-компанию, заставив задрожать пламя свечей. Но поток воздуха принес не только холод: я услышала в нем опьяняющее, кружащее голову благоухание цветущих полей в Оверни в разгар короткого лета. Без сомнений, то был аромат, выдыхаемый травами лаборатории. Следом за ним появился наконец сам капитан.

⁴⁵ Реторта – сосуд с длинным горлом, применяемый в лабораториях для нагревания и перегонки веществ.

По расплывчатым описаниям Прюданс и Поппи, я представляла себе старого одноглазого морского волка с задубевшей за десятилетия морских грабежей кожей, успев позабыть, что кровососы навсегда остаются в возрасте своей трансмутации. Судя по идеально гладким чертам, Гиацинту де Рокай было не больше двадцати пяти лет, когда Тьма забальзамировала его. Длинная светлая шевелюра с металлическим отливом имела почти платиновый оттенок. Прямой нос продолжал античный профиль, напомнив мне статуи пастушков и греческих богов в садах Версаля. Только одна деталь разрушала этот гармоничный образ, сошедший со страниц «Метаморфоз» Овидия: повязка из черной кожи в форме сердца на левой глазнице. Правый глаз испускал лазурные молнии, такие же колкие, как осколки льда.

Офицеры-вампиры как по команде встали. Смертные запоздало поднялись следом, и я – самая последняя, замороженная увиденным.

– Дамы, месье, прошу, присаживайтесь, – приказал капитан.

Голос низкий, бархатистый и мелодичный, как лира Орфея, ничем не напоминал угрюмого брюзгу, которого нарисовало мое воображение.

– Вижу, сегодня мы все в сборе. Сеньор де Монтесуэно и мадемуазель де Гастефриш любезно почтили нас своим присутствием.

– Позвольте извиниться за вчерашнее отсутствие, месье, – сказала я. – Мне слегка нездоровилось. Но все уже прошло.

– Тем лучше. Некоторые совсем не переносят морскую качку. Зная, что вам предстоит провести жизнь в объятиях Бледного Фебюса, я боялся, что вы войдете в их число. – Единственный глаз холодно сверкнул. – Ваш будущий супруг живет в окружении бурь. Они следуют за ним, куда бы он ни шел. Настолько, что иногда даже хочется спросить, уж не он ли порождает их?

Я вежливо улыбнулась:

– Порождать бури – прерогатива, отданная богам. Насколько мне известно, я выхожу замуж не за Эола⁴⁶.

– Что такое алхимия, если не попытка людей сравняться с богами?

– Алхимия? – не поняла я.

Слово рикошетом отскочило от хрустального бокала.

– Подозреваю, что Бледный Фебюс увлечен ею, – загадочно прошептал капитан.

Потрясенная, я уставилась на свою пустую тарелку. Алхимия, строго контролируемая Факультетом, лежала в основе трансмутации Людовика XIV, первого в истории вампира. Монарх рассчитывал вновь прибегнуть к этой мистической науке, чтобы покорить день с помощью «El Corazón de la Tierra». Мои родители сами тайно ее практиковали во благо Фронды, хотя подробностей проводимых ими опытов я не знала. Возможно ли, чтобы Бледный Фебюс разбирался в оккультном искусстве, как утверждал одноглазый вампир де Рокай?

Капитан хлопнул в ладоши. Его длинные, унизанные перстнями белые пальцы сливались с рубашкой, отделанной кружевом. В ту же секунду начался балет слуг. Среди них я заметила Клеанта, но избегала пересекаться с ним взглядом, чтобы не вызывать подозрений. Перед смертными появились тарелки с супом, тогда как вампирам разливали первую кровь.

– Суп-пюре из зеленого горошка со шпиком и свежесобранная кровь Альбиона, – торжественно объявил метрдотель в ливрее.

Услышав имя родной стороны, Поппи вздрогнула. Подруга нарядилась в одно из своих знаменитых облегающих платьев из денима, выставляющих напоказ аппетитные формы, главным образом, конечно, чтобы привлечь внимание Зашари, рядом с которым она поспешила занять место. Только луизианец едва удостоил девушку взглядом.

⁴⁶ Эол – в греческой мифологии повелитель ветров.

– И все-таки кровь не свежесобранная. – Поппи улыбнулась, взмахнув покрашенными ресницами. – Я – единственная англичанка на борту и не припомню своего участия.

– Ложь! – отрезал Гиацинт.

– Ха-ха! Смешно, капитан! Укол я бы точно запомнила, ибо чувствительна к щекотке.

– Повторяю, это – ложь. Вы не единственная англичанка на корабле. Дюжина ваших соотечественников томится в трюме.

Улыбка моментально слетела с губ Поппи, покрытых темным пурпуром:

– Но... Англия все еще официальный союзник Франции, насколько я знаю...

Единственный глаз Гиацинта пробуравил девушку:

– Официально, конечно, да. Во дворцах и посольствах, там, где одни поклоны и политес. Но в море ситуация немного иная. Корабли под английским флагом иногда нападают на принадлежащие Его Величеству. Являются ли они корсарами британской короны? Или это обыкновенные пираты, ищущие выгоду? Обширный простор для дебатов оставлю дипломатам. – Он поднял бокал, наполненный кровью, поднес его к носу, чтобы вдохнуть букет. – Перед тем как бросить якорь в Нанте, «Невеста в трауре» прошла вдоль Азорских островов. Корабли, идущие из Америки, обычно заходят туда, прежде чем отправиться в Испанию, Португалию и Францию. На прошлой неделе мой экипаж встретил английское судно, не имевшее к этому делу никакого отношения. Капитан напрасно клялся Тьмой, что, дескать, буря далеко занесла его торговый корабль, но как проверить? Мы отправили судно на дно. Повторюсь: оставим эти вопросы болтунам, я – человек дела.

Демон расплылся в жестокой улыбке, оскалив кончики блестящих клыков, которые тут же погрузил в страшный напиток. Не отводя единственного глаза от Поппи, он пил из сосуда так, будто это было ее горло. Остальные вампиры злобно ухмылялись, наслаждаясь дискомфортом англичанки в равной степени, что и их капитан.

Я ощутила дурноту. В глубине корабля под нашими ногами держали пленников для того, чтобы поставлять свежую кровь вампирам в течение трансатлантического рейса. Враги Франции или нет, пираты или обычные торговцы, никто не должен испытывать подобной пытки. Я с трудом справилась с супом. Зашари, Поппи и Прюданс, казалось, тоже потеряли всякий аппетит. Что же касается неприхотливой в еде Франсуазы, то она даже не смочила своих губ.

– Ах, нет ничего лучше свежесобранной крови! – объявил капитан, аккуратно промокнув уголки чувственных губ салфеткой, украшенной его вышитым вензелем. – Что же вы хотите, я неисправимый эпикуреец⁴⁷. Вот уже два века я пиратствую в семи морях, забирая на борт «Невесты в трауре» только живое поголовье, и никогда в бутылках. Не так ли, месье?

Офицеры, с пунцовыми губами от выпитой крови, ответили бурным согласием. Гиацинт отрывисто засмеялся, но тут же замолчал.

– В этот раз я взял в бутылках! Точнее, в глиняных кувшинах, но не для собственного потребления, а для моих лейтенантов. – Он направил указательный палец на меня: – Они предназначены и для вас тоже, мадемуазель.

– Для меня? – задыхнулась я от ужаса.

– Да, для вашей трансмутации, черт возьми! Король наполнил эти кувшины своей хранящей постоянную свежесть кровью, самой ценной из всех, чтобы Бледный Фебюс и вы присоединились к таинству вампиров в ночь вашей свадьбы.

⁴⁷ Эпикуреец – человек, живущий ради личных удовольствий и чувственных наслаждений.

6

Гальюнная фигура

Мама и папа склонились над моей колыбелью.

В их глазах нет следов любви: лишь холодный блеск, острый, как лезвие скальпеля, который отец сжимает в кулаке.

Панический ужас охватывает меня.

Я ору что есть силы, потому что еще не умею говорить: невнятное бормотание отражается от стен глухой комнаты с задернутыми шторами.

Кажется, что отец колеблется, лезвие зависло от меня в нескольких сантиметрах.

– Давай, пусть тяжело, но нужно решиться, – подбадривает его монстр в облики моей мамы, – мы должны взять образец для анализа.

Нож завершает свое движение, опускаясь на мое бедро и медленно соскребая кожу.

Я проснулась, как от толчка, грудь сдавило от страха. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять: я не на Крысином Холме, а в каюте «Невесты в трауре». Шторы здесь задернуты так же, как и во сне.

Еще один кошмар! Из тех, что разъедает мои ночи с самой первой недели пребывания на этой проклятой посудине. Странное видение в карете стало первым в длинной череде снов, где каждый раз родители превращались в палачей, а моя детская комната в камеру пыток. Я абсолютно убеждена, что Глоток Короля в моих венах, насыщенный тьмагной – влагой вампиров, отравлял мое сознание. От скорой перспективы наполниться этой дьявольской жидкостью меня тошнило, мысли путались...

Нет! Я отказываюсь превращаться в вампира! Я никогда не откажусь от человеческой природы! Я никогда не буду трансмутирована, и уж тем более кровью Нетленного.

Не зная, как справиться с отчаянием, я шагнула к иллюминатору и распахнула штору; за стеклом, затянутым по краям сверкающим инеем, царила крошечная тьма, без проблеска надежды. Я постаралась собраться с мыслями, еще затуманенными от недавнего кошмара. Когда Король обещал вечную жизнь мне и Бледному Фебусу, я думала, что он сделает это лично, в Версале, во время нашего официального визита на его юбилей. Тогда бы нашлась возможность избежать трансмутации. Но я и представить себе не могла, что коварный монарх уполномочит своего агента, тем более такого жесткого, как де Рокай, проверить на месте одиозную операцию, которая навсегда погубит меня в смертельных объятиях Тьмы.

Я глубоко вздохнула, устремив глаза на океан чернильного цвета, похожего на потоки тьмагны, угрожавшие отравить мои вены «живой смертью». Приложив все душевные силы, я призвала на помощь мамину мудрость. В свете почти полной луны мне показалось, что я вижу ее ласковое лицо: «Успокойся, Жанна. Подумай. В действительности эта новость не изменила первоначальной цели твоей миссии – завербовать капитана Фебуса в ряды Фронды».

Это правда. Моя миссия не изменилась. Изменился ее темп. На первой же встрече с пиратом, до того как мы поженимся, нужно привести аргументы, веские, убедительные для того, чтобы он выбрал мое дело, а не вечную жизнь. Я должна преуспеть. Тогда больше не будет разговоров о трансмутации и я с радостью выброшу за борт кувшины Короля.

Мое дыхание успокоилось. Мысли упорядочились. То, что я считала марафоном, превратилось в спринт. Пусть! Теперь я должна в полной мере использовать все свои средства, физические возможности и дар убеждения. Нужно поспать. Нужно, чтобы прекратились проклятые кошмары. Любой ценой.

* * *

– Скажи, Поппи, а у тебя с собой жевательные шарики с дурманом⁴⁸?

Англичанка озадаченно посмотрела на меня. У нас вошло в привычку каждый вечер после ужина для улучшения пищеварения прогуливаться до бака. Завернувшись в шерстяные накидки с объемными капюшонами, мы любовались бликами далекой луны на водной глади. В носовой части корабля сильный ветер скрадывал наши слова. Тем лучше: Франсуаза, не отстававшая от меня ни на шаг, не могла услышать то, о чем мы с подругой шептались.

– Почему ты спрашиваешь? – обеспокоенно спросила Поппи вполголоса. – Ты же знаешь, что я излечилась от туберкулеза с тех пор, как выпила Глоток Короля. Я больше не... не на лекарствах.

Я кивнула.

– Да, знаю. Но интересуюсь потому, что мне необходима небольшая помощь: хочу успокоить тревожные ночи. Страх перед скорой встречей с Бледным Фебюсом нарушил мой сон.

Я не собиралась признаваться Поппи о реальных причинах кошмаров, она считала меня баронессой и ничего не знала о моей настоящей семье. В свете луны я увидела, как улыбка озарила лицо девушки и стерла мучительные воспоминания тех лет, когда она так страдала от болезни.

– Бесстрашная Диана! Сражается с упырями и заговорщиками, но трепещет при мысли о blind date⁴⁹! – пошутила девушка.

– Ну, скажем, мои последние романтические приключения не были удачными. Первый воздыхатель оказался опасным террористом, от второго отбоя не было, лип, как дез Эскай. После Тристана де Ля Ронсьера и Александра де Мортанжа я уже не жду ничего хорошего.

Правда в том, что я вообще ничего не ждала. Сердце отказывалось играть в эти игры. Важен был мой долг, а не мои чувства. Записать Бледного Фебюса в ряды Фронды – вот моя единственная цель. Ради нее я буду убеждать, соблазнять, покупать – все средства хороши. Но этого Поппи тоже не знала.

Она звонко рассмеялась, вторя реву черных волн, неистово бьющихся о корпус «Невесты в трауре».

– И правда, судя по твоим прошлым успехам в любовных делах, я могу понять твои страхи, darling⁵⁰! – Подруга вынула из кармана своего плаща холщовое саше и незаметно положила его в мою руку. – Я прекратила жевать их, но всегда ношу с собой на случай рецидива. Рада, если они помогут тебе, но поверь, для твоего же блага, используй экономно. Всякое злоупотребление дурманом приведет к привыканию и может спровоцировать тошноту.

Я спрятала саше в складках накидки, подальше от инквизиторского взгляда Франсуазы.

– Я часто спрашиваю себя, на кого похож Бледный Фебюс, – прошептала я. – Прюданс нарисовала себе прекрасного принца.

Поппи закатила глаза:

– Твоя кузина легкомысленна, как бабочка, а ты упряма, как мул. Порой я не верю, что вы сестры.

– Мы похожи больше, чем ты можешь представить, – поспешила я возразить. – Я тоже сентиментальна, как нежный цветок. Да мы все... включая тебя. Но каждый по-своему.

⁴⁸ Описанное может быть смертельно опасно. Это плод вымысла. Повторение действий героев чревато летальным исходом (Прим. ред.)

⁴⁹ Blind date (англ.) – свидание вслепую.

⁵⁰ Darling (англ.) – дорогая.

Англичанка грустно улыбнулась, растягивая губы, покрытые темным блестящим кармином.

– Я – красный цветок, darling! Как страстный красный мак, в честь которого меня назвали⁵¹. Я вспыхиваю мгновенно, от маленькой искры, всегда немного опережая события. Жаль, Заш не видит, что я стораю от любви к нему, – она тяжело вздохнула. – Мы живем в скверном мире: зачастую те, кому нравимся мы, не нравятся нам. Посмотри на Рафаэля: его терзают сердечные муки, это ж очевидно, к гадалке не ходи. У меня чутье на эти дела. Должно быть, там, в Версале, он вынужденно оставил равнодушную к нему красотку.

Мне хотелось сказать Поппи, что ее инстинкты ошибаются, но тайна Рафаэля и Сураджа принадлежала только им двоим.

– Что касается Фебюса, не знаю, насколько этот принц прекрасен, но, по крайней мере, он не старый. Ты слышала, что сказал Мариньи: твой суженый – молодой человек, который недавно взялся пиратствовать. То есть ненамного старше тебя.

– Считаешь, что он – человек, судя по убийствам, которые ему приписывают? Что касается молодости, она обманчива. Мы в этом убеждаемся каждый вечер за ужином: у одноглазого демона нет морщин, а он разбойничает в морях уже целую вечность.

Поппи отмела мои страхи взмахом руки:

– Твой возлюбленный – пират. Не вампир. Во всяком случае пока, потому что «священнодействует» при свете дня. Кровь Нетленного подарит вам обоим самый лучший возраст for ever and ever⁵². Твоя смерть, образно выражаясь, будет романтической, потому что тебе нужно будет сначала умереть, чтобы после обрести вечную жизнь. – Подруга прикоснулась ко мне, желая приободрить. – Игра стоит свеч!

Я с трудом улыбнулась. Верит ли Поппи в то, о чем говорит? У меня не было причин сомневаться в этом. Трансмутация – предел мечтаний всех смертных придворных. Когда она осуществляется кровью самого Короля – становится посвящением.

Я уже хотела сменить тему, как в этот момент пронзительный вопль разорвал ночь, а после еще раз. Голос человеческий и нечеловеческий одновременно, что-то между криком отчаяния и лебединой песней. Моя душа ушла в пятки.

– Что это? – ужаснулась Поппи.

– Как будто из носовой части, совсем рядом! – прокричала я, указывая на бушприт⁵³, гигантским гарпуном вонзившийся в черный горизонт.

Мы с Поппи перегнулись через леер. Даже сама Франсуаза встревожилась: вышла из привычного состояния статуи и поспешила к поручням, словно боялась, что я могу упасть в море.

– Все в порядке, я не собираюсь прыгать, – крикнула я, высвобождаясь из ее рук.

В лунном свете мы увидели очертания гальюнной фигуры. Я только мельком видела эту «невесту», давшую свое имя судну, в ту ночь, когда мы садились на борт корабля, и с тех пор не обращала на нее ни малейшего внимания. Но только сейчас я заметила, что траурное платье, которое считала вырезанным из эбенового дерева, на самом деле было настоящим, бархатным. Черная ткань, затвердевшая от соли и инея, скрипела на ледяном ветру. Темная вуаль, закрывавшая лицо, была тоже настоящей: не ветер вздымал ее, а живое дыхание...

– Фи... фигура! Она живая! – В голосе Поппи слышался животный страх.

– Это невозможно! – проорала я, стараясь перекрыть продолжавшийся вой. – Никто не смог бы выжить, подвергаясь день и ночь разрушительному воздействию стихий.

– Именно! «Невеста» живая только наполовину, – прошептал голос за моей спиной.

⁵¹ Поппи – Poppy (англ.) – мак.

⁵² For ever and ever (англ.) – на веки вечные.

⁵³ Бушприт – брус, выступающий вперед с носа корабля.

Резко обернувшись, я увидела Гиацинта де Рокайя. Я не слышала, как он приблизился к нам. Капитан стоял без накидки и плаща, платиновые волосы танцевали на ночном ветру, белая широкая рубаха надулась, как парус. Морские брызги смешали запах йода с цветочным ароматом, который сопровождал его повсюду. Шквал ветра приподнял жабо из алансонского кружева⁵⁴, обнажив мускулистый торс, лишенный растительности, гладкий, как мрамор: кожу вампира, нечувствительную к холоду. Единственный глаз корсара сверкал в отблесках ураганной лампы⁵⁵, которую он держал в руке.

– Пора возвращаться, – приказал он, подавая мне руку, которая была ледянее студеного дыхания океана. – Не хотелось бы, чтобы подопечную Короля утащили на дно сирены.

* * *

– Эта дьявольщина ужаснет самих архиатров, – вздохнул Клеант.

Камердинер принес мне традиционную сельтерскую воду – предлог, чтобы приходиться ко мне каждый вечер перед сном, как только Прюданс и Франсуаза удалялись в свои каюты.

– Де Рокай практикует алхимию, причем самую темную, – объяснил мужчина. – Ходят слухи, что он достиг виртуозного мастерства в манипуляциях с редкими травами и корнями мандрагоры⁵⁶, выращивая в своей каюте демонический сад, где буйно растут цветы зла...

Это объясняло замеченные мною в каюте капитана множественные реторты и сосуды с лепестками. Он не скрывал своего интереса к оккультным искусствам, подозревая, что Блестящий Фебюс предается им тоже.

– Перед каждым трансатлантическим путешествием одноглазый демон украшает переднюю часть корабля новой гальюнной фигурой, – продолжал Клеант. – Эту бедную женщину он соблазнил в таверне. Гиацинт принадлежит к тому типу кровососов, которые любят сначала поиграть со своей жертвой. Он завлекает девушку обещаниями ночи любви с возможностью вечной жизни. Вместо этого наполовину обескровливает несчастную, а после дает ей испить отвар бессмертника, смешанный с его собственной вампирической кровью в выверенной до миллилитра пропорции, достаточной, чтобы позволить жертве выжить в путешествии, но недостаточной, чтобы трансмутировать ее полностью. Таким образом он делает из нее дампира.

– Дампира?.. – повторила я вполголоса. Имя этой новой нечисти, о которой до сегодняшнего дня я не знала, обожгло губы.

– То есть полувампира. Это существо, искусственно поддерживаемое между жизнью и смертью, между днем и ночью. Факультет запретил подобные практики на суше, но в море этот демон присвоил себе всю власть.

Подбородок Клеанта нервно подрагивал. Гиацинт де Рокайя воплощал в себе все то, против чего камердинер боролся: расчетливый деспотизм, беспричинную жестокость, поэтому мужчина готов был рискнуть своей жизнью, участвуя в крайне опасной миссии. Он инстинктивно понизил голос и продолжал уже шепотом:

– Дампирше, покрытой вуалью, не страшны солнечные лучи. Однако подобный гибрид состоит из неустойчивого равновесия, жертвы которого всегда гибнут в самых лютых мучениях через несколько недель. Перед смертью на нее нисходит сверхъестественная способность видеть вражеские суда сквозь туман и нечисть в морских безднах. Опыленные страхом после испытанного шока, несчастные существа не могут удержаться от рева при приближении новой угрозы. В этом и заключается роль сменяемых друг друга гальюнных фигур «Невесты в тра-

⁵⁴ Алансонское кружево – тип кружева, возникшего в XVI в. в г. Алансон, Франция.

⁵⁵ Ураганная лампа – переносная керосиновая лампа, пламя которой защищено от ветра.

⁵⁶ Мандрагора – растение из семейства пасленовых. Корень напоминает человеческий торс, отсюда зародилось множество легенд и поверий.

уре»: каждая служит «сигнальщиком» против своей воли до того момента, пока капитан не выбросит обескровленный до последней капли труп в море, после чего отправится на поиски новой «невесты».

Я слушала Клеанта, стараясь переварить страшные слова. Мне было невероятно жаль девушек, закончивших свое существование распятыми фигурами на носу корабля.

– То есть дампирша что-то почувствовала этой ночью... – прошептала я. – Капитан упомянул сирен, мифологических существ, населяющих страницы поэм Гомера. Это все, что я знаю про них.

– С самого начала эры Тьмы они водились в глубинах океана, принося огромные беды морякам, – мрачно объяснил Клеант. – Эти существа чарующими голосами завлекали смертных в море, чтобы после пировать их плотью. Галльонная фигура взвыла, когда заметила присутствие сирен, чтобы перекрыть их колдовские песни своим воем.

Я по-новому прислушалась ко вновь воцарившейся тишине. В моей тесной каюте больше не было слышно ни тихого поскрипывания корпуса корабля, ни приглушенного свиста ветра. Сигнальщица замолчала, сирены уплыли. Но отныне мне известно: морская пучина, над которой мы проплывали, полна всякой нечисти...

– Главный Конюший заверил, что Фронда Америки сможет помочь, – резко заговорила я. – Что она даст золота купить Бледного Фебюса, если мои аргументы не будут достаточно убедительными для него. Мне совершенно необходимо встретиться с организацией на Мартинике, прежде чем меня представят пирату.

– Я позабочусь об этом, как только мы прибудем на Антильские острова, – пообещал Клеант. – В прошлом я бывал на островах, у меня остались контакты местной Фронды. «Невеста в трауре» непременно зайдет в порт на Мартинике на несколько недель – время, необходимое для обнаружения «Ураноса». Потому что океан огромен, а Бледный Фебюс неуловим.

Я кивнула, немного успокоившись: эта отсрочка позволит мне лучше подготовиться к встрече.

Как только Клеант ушел, я бросила в рот шарик дурмана. Я жевала его старательно, чувствуя, как понемногу притуплялось сознание. Да избавит он меня от кошмаров, которые осаждают по ночам, и заставит забыть о тех, кто плавает в океане!

* * *

Остаток путешествия прошел в расслабленной атмосфере. Дурман, который обеспечивал мне ночи без снов, придавал вязкую туманность утрам. Бескрайняя монотонность океана убаюкивала. Вынужденная праздность на борту привела к тому, что я потеряла бдительность. С Зашари и Рафаэлем, этими молчаливыми облаками, поглощенными своими мыслями, я пересекалась только за ужином. Вероятно, испанца терзала таинственная ссора с Сураджем, и даже если шрам на его щеке затянулся, очевидно, что рана в сердце еще кровоточила. Зато луизианец оставался загадкой. Ясные дни я проводила в своей каюте или у Поппи, примеряя роскошные туалеты, которые принцесса дез Юрсен подобрала для меня. Иногда Прюданс присоединялась к нам, приходя в восторг от моих парюр и краснея от шуточных непристойностей англичанки. Записи ее дневника, которые я прочитывала каждый вечер, не приносили ничего нового. Время напоминало нескончаемую гирлянду из шелка, перьев и блесток.

Единственным знаком нашего продвижения в море служило потепление, которое ощущалось в воздухе. День за днем иней на моем иллюминаторе все больше подтаивал. Порывы ветра не охладили щеки, а почти ласкали их, и выдыхаемый мной воздух больше не поднимался облачками пара, когда я выходила на палубу.

– С днем рождения, – приветствовала меня Прюданс однажды утром.

– Я... э... благодарю...

Мысли запутались. Я была совершенно уверена, что в дворянских документах настоящей баронессы де Гастефриш четко говорилось о дате 5 мая, а сегодня только 29 апреля. Почему Прюданс поздравляет меня заранее?

– Я знаю, что твой день рождения через шесть дней, – объяснила девушка, отвечая на мой немой вопрос, – но подумала, что мы могли бы отметить его вместе с моим, которое наступило сегодня. Как в нашем детстве, помнишь?

Я кивнула, выдавив заговорщическую улыбку. Не надо ничего говорить, пусть она сама продолжит.

– Мы знали, что родители организовывали один праздник на двоих в целях экономии, – вздохнула кузина. – Де Гастефриши жили в нужде так же, как Де Керадеки, не правда ли? Но для меня не было бóльшей радости, чем отмечать день рождения с тобой.

– Радость была взаимной... и осталась таковой и сегодня, – заверила я. – Я как раз собиралась пожелать тебе хорошего дня рождения, дорогая Прюданс! – Момент неловкости прошел, я вновь нацепила маску старшей кузины. – Тебе исполнилось восемнадцать, поздравляю.

– А тебе девятнадцать, – воскликнула она, хлопая в ладоши.

Я постаралась сохранить улыбку. Мой настоящий день рождения был в январе, но никто меня тогда не поздравил, потому что все родные мертвы...

Проглотив горечь воспоминаний, я укрылась за банальностями:

– Мы были такими маленькими, а время пролетело так быстро. Кажется, только вчера мне исполнилось восемь лет.

– Мне тоже, – энергично закивала Прюданс.

Она опустила руку в карман своей накидки из облегченного фетра, сменившей с приходом теплых дней шерстяной плащ, и вытащила маленький мешочек, аккуратно завернутый в папиросную бумагу.

– Для тебя от моих родителей.

– О, не нужно! – воскликнула я. – Мне неловко: у меня ничего нет для тебя.

– Ты не могла знать, что я поеду с тобой. А твое присутствие – самый лучший подарок для меня. Ну же, открывай!

Я развернула упаковку, обнаружив ручку с резервуаром для чернил.

– Скромный презент, потому что моя семья не купается в золоте. Напротив, финансовое положение поместья ухудшилось, климат с каждым годом портится, урожая рождается все меньше. – Девушка опустила глаза на ручку. – Эта вещь сделана из нашей яблони, одной из последних, которая еще не успела замерзнуть. Я помню, как ты любила ее плоды.

– Замечательный подарок! Премного благодарна тебе и твоим родителям.

Прюданс залилась румянцем от удовольствия, большие голубые глаза ее сияли.

– Ты могла бы поблагодарить их сама, написав пару слов этой ручкой, – с волнением предложила девушка, взяв мои руки в свои. – Ты говорила, что будет возможность написать им, как только мы прибудем на Антильские острова.

– Конечно, я им напишу, с удовольствием, – пообещала я, тронутая и в то же время смутно испытывая стыд от внимания, которое было предназначено другой.

* * *

– Слышал, что сегодня досрочно отмечается ваш день рождения, – объявил Гиацинт де Рокай за ужином после подачи десерта и последней крови.

Прюданс тепло улыбнулась мне, перед ней стояла тарелка с кусочком савойского пирога. Я догадалась, что девушка проболталась. Конечно, она хотела порадовать меня, предав огласке важное событие. Наивная кузина не подозревала, что, если я чего-то и избегала с самого начала трансатлантического вояжа, так это разговоров с гнусным кровососом, у которого мы находи-

лись в гостях. И не только потому, что он был известен своим садизмом, доказательств которому с начала путешествия набралось немало. Что-то в нем заставляло меня сильно нервничать. Несмотря на свою юношескую внешность, Гиацинт не был похож на Александра, чья жестокость ограничивалась вулканической беззаботностью вечного подростка. У хладнокровного одноглазого демона, наоборот, все было взвешено, просчитано, продумано. Каждый раз, когда лазурного цвета глаз останавливался на мне, казалось, что он меня препарирует без скальпеля.

– Мой день рождения на самом деле 5 мая, – бросила я. – Обойдемся без суеты.

– Такая скромность делает вам честь, моя дорогая. Но вы – подопечная Короля и будущая герцогиня!

– Если будущий герцог заинтересуется мной, – возразила я.

Двусмысленная улыбка растянула губы вампира, обозначив легкие ямочки на алебастровой коже. Издевка? Презрение? Или обыкновенное позерство? Невозможно было прочесть хоть одну эмоцию корсара. Но поскольку речь зашла о женихе, то можно попытаться получить максимум информации.

– Вы признаете, что Бледный Фебюс – загадка, – произнесла я. – Даже если я – подопечная Короля, кто знает, как пират меня примет. Известно ли, где он находится? Сейчас, в данный момент?

Вместо ответа капитан щелкнул пальцами.

– Карту Вест-Индии! – приказал он.

Слуги убрали тарелки с кусочками савойского пирога. Как обычно, Франсуаза к своей не притронулась. Один из офицеров, лейтенант Эжен, торопливо расстелил в центре стола длинный пергамент. Перед моими глазами развернулась прошитая морскими путями вышивка из морей, островков суши с экзотическими названиями.

– На протяжении веков континентальные державы делили между собой Антильские острова, – объяснял де Рокай. – Хотя колониями под прямым управлением Франции являются Малые Антильские острова и Кровавый Доминго⁵⁷, на самом деле все острова должны подчиняться Королю Тьмы, потому что в Европе испанская корона и Соединенные Провинции присягнули ему на верность. Но несколько английских приобретений, таких как Ямайка, должны платить налоги. Только редкие анклавов могут избежать королевского контроля со стороны Лукайских островов: там, где липкие мангровые рощи, джунгли, зараженные малярией, и где живут пираты Карибского моря, наслаждающиеся незаконно приобретенными богатствами. Другими словами – крысы, окопавшиеся в тошнотворных норах.

Гиацинт фыркнул, демонстрируя презрение к тем, кто в отличие от него не убивал, заручившись каперским свидетельством. Он вынул из кармана стилет – маленький кинжал с украшенной рубином рукоятью и очень тонким лезвием, предназначенным для нанесения глубоких ран. Острым кончиком клинка указал на обведенный в кружок архипелаг на восточной стороне карты:

– Завтра, тридцатого апреля мы прибудем на Малые Антильские острова, встанем на якорь в Фор-Руаяле – столице Мартиники и французской части Антильских островов. Главный рынок города известен всей Америке: будет возможность пополнить запасы продовольствия для экипажа и свежей крови для офицеров. – Вампир бросил брезгливый взгляд на свой бокал, наполненный бледно-красной жидкостью, к которому едва притронулся. – Те несколько англичан в трюме, которые еще живы, совершенно обескровлены. Их кровь в последние дни приобрела слабый привкус запущенной анемии, не правда ли, месье?

Офицеры дружно закивали, трясая длинными локонами.

⁵⁷ Кровавый Доминго – это Сан-Доминго. Игра созвучных слов на французском языке: saint – святой и sang – кровавый.

– Кровь англичан тухнет, – подтвердил лейтенант Эжен с гримасой отвращения на бледном лице.

– К счастью, Вест-Индия на расстоянии вытянутой руки, а иначе пришлось бы обескровить кого-нибудь из экипажа, чтобы промочить горлышко, – усмехнулся другой бессмертный, решив перещеголять предыдущего.

Лейтенант Эжен затянул песню:

Эй, бросайте игральную кость!
Эй, бросайте игральную кость!
Сейчас мы узнаем, кому пустим кровь!
Сейчас мы узнаем, кому пустим кровь!
Ахой! Ахой!

Я растерянно наблюдала, как хор из офицеров, включая капитана, дружно присоединился к нему. Они распевали во все горло, их зрачки все больше расширялись, клыки все сильнее вытягивались: под красивыми шелками одежд скрывались дикие звери. Вожак, несмотря на все благоухание, которое его окружало, был ничем иным, как трупом, мучающимся от жажды. Отсутствие свежей крови обнажило их страшную сущность.

Морской черт хохочет, а юнга в слезах!
Морской черт хохочет, а юнга в слезах!
Пощады не будет! Ты в наших клыках!
Пощады не будет! Ты в наших клыках!
Ахой! Ахой!

Жуткая песня, под аккомпанемент красных каблуков кровососов, сотрясала деревянный потолок зала. Один из бокалов, наполовину заполненный английской кровью, опрокинулся на географическую карту. Красное, липкое цунами поглотило Малые Антильские острова.

Широко улыбаясь, Гиацинт де Рокай положил конец вакханалии, хлопнув в ладоши.

– Достаточно, месье, умерим пыл, иначе напугаем наших гостей! Проявите терпение: на Мартинике мы запируем как положено, а после, сытые и отдохнувшие, отправимся на север. – Единственный глаз выпустил в меня молнию. – К Бермудам, на встречу с вашим суженым, моя дорогая. Он нас ждет.

Сердце остановилось.

Я не ослышалась? Бледный Фебюс нас ждет? Уже? Клеант предполагал, что потребуются недели, чтобы найти и связаться с ним. Камердинер тоже застыл в глубине зала, забыв об обязанностях официанта, потрясенный, как и я.

– Диана, что случилось? – бросил одноглазый демон. – Вы разом побледнели. Этот савойский пирог, кажется, суховат. Вас не устраивает десерт? Или перспектива скорого знакомства с вашим мужем?

– Конечно, я этому рада, – пробормотала я. – Просто... это так... скоро. Каким образом Бледный Фебюс мог согласиться на встречу, если предложение о свадьбе еще им не получено?

– Откуда вам это известно?

– Я не понимаю, – хрипло отозвалась я. – Меня снарядили в путь, как только Король принял решение о свадьбе. Мы двигались со скоростью ветра. Ни один корабль не сумел бы нас опередить, чтобы доставить новость Бледному Фебюсу.

Смех Гиацинта был так же гармоничен, как арпеджио⁵⁸. Но за звуками лиры слышался ядовитый сарказм. С самого начала нашего разговора он играл со мной как кот с мышью, по капле выдавая информацию только для того, чтобы понаблюдать за моими страданиями. Потому что в этом заключалось его извращенное удовольствие: он забавлялся, манипулируя собеседником до тех пор, пока не ломал его.

– Ваша наивность – очаровательна! Простодушие, несомненно, смягчит такого загроуившего душой разбойника, как Бледный Фебюс. Имеются способы быстрее, чем «Невеста в трауре», например гонцы, которых я отправил до отхода корабля. Или вы считаете, что только вороны способны разносить письма? В море, например, очень эффективны чайки, если их правильно заколдовать.

Капитан все больше расплывался в улыбке. Не ограничиваясь созданием дампинов, он использовал алхимию, чтобы поработить животных. Как поведал Клеант, инквизиторы Факультета не могли добраться до Гиацинта, чтобы помешать тому предаваться оккультным искусствам, – если только, будучи корсаром Короля, он не пользовался особой благосклонностью последнего.

– О Диана, не делайте такого лица! – расхохотался демон. – Какая вы прелесть, просто объедаешь! На ваше счастье, я только что поужинал. Так вот, я обратился к Бледному Фебюсу с предложением Нетленного создать герцогство Ураганов на всем побережье Северной Америки, от Карибского моря до Нью-Йорка. Чайка вернулась этим вечером с ответом пирата в лапках, где было приглашение приехать на встречу с ним, а также подарок, который пришелся очень кстати на ваш день рождения, вы не находите?

Длинными пальцами он элегантно вынул из кармана маленькое украшение, положил его на стол и подтолкнул в мою сторону. Это была камея. Подобные я видела в Версале: придворные, как мужчины, так и женщины, регулярно обменивались ими как знаком своей любви. Тот, что увидела я, представлял собой изображение, выгравированное в бледном полупрозрачном камне, без сомнения, белом опале. Это был профиль серьезного молодого человека. Волосы средней длины были убраны в катоган⁵⁹, подчеркивая меланхоличный взгляд, обращенный к невидимому горизонту.

– Красивый юноша, – прошептала Прюданс, немедленно покраснев от нечаянно брошенного замечания, Поппи рассмеялась:

– Не обольщайся, бигуденка⁶⁰: версальские кавалеры не стесняются щеголять своими нещадно отретушированными камнями. Я тоже не раз попадалась на эту удочку – приходила на галантное рандеву, получив по королевской почте римский профиль, но быстро разочаровывалась, встретив воздыхателя во плоти: обман покупателя! Должен быть закон, проверяющий соответствие изображения перед его отправкой по почте!

Я не могла вспомнить ни одной любовной авантюры англичанки с тех пор, как она стала оруженосцем, кроме ее безответных чувств к Зашари. Девушка, бросив на юношу беглый взгляд, вероятно, решила покрасоваться перед ним, надеясь вызвать своим фанфаронством ревность. Напрасный труд!

– Who knows?⁶¹ Может, в Дворе Ураганов я встречу пирата с большим сердцем, которого увезу в своем чемодане в Версаль? – не удержалась она от последней, жалкой попытки обратить внимание луизианца. – Или разбойника на одну ночь, в чьих руках смогу позабыть обо всем.

Гиацинт де Рокай наградил англичанку аплодисментами:

⁵⁸ Арпеджио (муз.) – последовательность нот, играемых одна за другой, образующих аккорд.

⁵⁹ Катоган – вид мужской прически, когда волосы стягиваются лентой на затылке.

⁶⁰ Бигуден – традиционный женский головной убор в виде высокого цилиндра в регионе Бретань, Франция.

⁶¹ Who knows? (англ.) – Кто знает?

– Bravo, леди Каскллифф! Хотя бы вы радуетесь предстоящей свадьбе, не то что ваши компаньоны – скучные пресноводные. – Вампир обвел гостей широким жестом, сверкнув перстнями, отражающими отблеск свечей. – Ну же, друзья, черт возьми! Побольше радости! Вы, Гран-Домен, словно медузу проглотили, ни одного слова за весь рейс. Про мадемуазель дез Эскай и говорить не хочется: тише камбалы и почти так же выразительна. Монтесуэно, расслабьтесь! Забудьте про суровый испанский двор, впереди веселая свадьба. А мадемуазель де Керадек так робка и застенчива, что место ей в тихой обители Факультета, а не на корабле корсаров. Что касается виновницы торжества, такое впечатление, что вы, мадемуазель, только что услышали о собственной смерти. – Демон, сверкнув выступившими над губой клыками, закончил: – Что, впрочем, правда. Нужно через нее пройти, чтобы после возродиться во Тьме. Завтра вечером...

То была последняя капля. Откровение, к которому подводил свою речь этот монстр. Ошеломленная, я как попугай повторила за ним:

– Завтра вечером?

– Не благодарите меня за усердие.

– Но... вы говорили, что надо сделать запасы продовольствия на Антильских островах, я думала, мы будем стоять на якоре дольше.

Все происходило слишком быстро. Ситуация вышла из-под контроля. Надежда связаться с Фрондой уменьшалась, как шагреновая кожа⁶². Как и упование на то, что я смогу избежать трансмутации.

– Мы остановимся на Мартинике в полдень, чтобы пополнить трюмы новым поголовьем крови, – шипел светловолосый демон, словно вонзал свой стилет в мое сердце. – Вот уже в течение многих лет с губернатором острова, красавцем Жан-Батистом дю Кас, у меня действует договоренность. В обмен на последние выпуски Меркюр Галан, привезенные из метрополии, он разрешает на глаз опустошать его тюрьмы. Бандиты, разоренные торговцы, беглые рабы – любые осужденные улучшат наш рацион. С наступлением ночи мы снова двинемся в путь, не теряя времени. Бледный Фебюс назначил randevu на пересечении 60-го меридиана и тропика Рака⁶³, 30 апреля в полночь. Я рассчитываю трансмутировать вас сразу после свадьбы. С наступлением сумерек 7 мая вы, Диана, проснетесь бессмертной... герцогиней!

Кончиком стилета капитан обвел лужицу крови на карте, которая начала сворачиваться, провел вверх вертикальную черту и остановился на участке открытого моря, в середине морской пустоши, куда ткнул острием лезвия. В место, где через несколько часов я стану одной из тех, кого ненавидела больше всех в жизни: трупом, управляемым дьявольской силой Тьмы.

– Никогда еще название моего корабля так удачно не соответствовало действительности: «Невеста в трауре!» – воскликнул одноглазый демон. – Невеста – это вы, Диана де Гастефриш, и ваша свадьба будет в трауре, потому что на меня возложили ответственность убить вас, прежде чем предложить вечную жизнь.

Единственный глаз вампира горел. Жестокая улыбка играла на губах, совершенно обнажив острые клыки.

– Подождите, не делайте такого убитого лица, дорогая, еще не время. Смерть – всего лишь досадный момент для перехода в вечное блаженство. Я позабочусь о том, чтобы вы не страдали. Обещаю.

⁶² Шагреновая кожа – отсылка к одноименному роману Оноре де Бальзака.

⁶³ Тропик Рака – одна из пяти основных параллелей, отмечаемых на картах Земли.

7

Фор-Руаяль

Яркое солнце ослепило меня, когда в полдень, после проведенной ночи без сновидений благодаря дурманящим шарикам, я вышла на палубу. Северный ветер, гулявший по морю на протяжении недель, стих, черные паруса «Невесты в трауре» были спущены: корабль находился в порту, в бухте, защищенной от ветра. Даже в середине августа на Крысином Холме погода не была столь теплой, как здесь. Не просто теплой – жаркой. Какое странное ощущение: лучи солнца проходили сквозь кожаный нагрудник, обжигая до костей, как палящий огонь камина. Согласно легенде, давным-давно, еще до начала эры Тьмы и ледниковой эпохи во Франции, лето было знойным. Но вот уже три столетия солнце в старушке Европе не что иное, как бледное сияние; похоже, оно нашло приют здесь, в тропиках, и теперь игриво отбрасывало золотистые блики на изумрудное море. Вспомнились слова Главного Конюшего о том, что контроль Магны Вампирии в Америке намного слабее. Под лучами такого активного солнца проще представить революцию... если только Король Тьмы не покорит день.

Эта мысль заставила меня поежиться несмотря на жару.

– Великолепно, не правда ли? – восхитилась Прюданс.

Она стояла, облокотившись на леер, рядом с моей свитой и навязчивой Франсуазой. Порт, шумный и суетливый, простирался перед нами. В отличие от домов Нанта, аккуратных, выстроенных в одну линию, Фор-Руаяль представлял собой пестрый и беспорядочный узор из лачуг, побеленных известью. На удивление, этот капернаум⁶⁴, залитый красками, производил впечатление не хаоса, а гармонии. Букеты нарядного разноцветья бушевали между фасадами: розовые, голубые, фиолетовые и прочие, которых я никогда не видела. Однако каким бы радужным ни был порт, он оставался во власти черной тени огромной каменной бастиды⁶⁵ – крепости Кровавого Людовика, на вершине которой развевался флаг Нетленного, украшенный мрачной фигурой летучей мыши из золота. В этой крепости, как я знала, спал губернатор-вампир Жан-Батист дю Касс и его приспешники сбиры⁶⁶.

– Жаль, мы пробудем здесь лишь полдня, – посетовала Прюданс. – Но подозреваю, что тебе не терпится увидеть будущего супруга.

Особенно не терпится связаться с местной Фрондой – и без тебя, дорогая кузина, липнущей ко мне как смола!

Я расплылась в своей самой лучшей улыбке:

– Абсолютно, Прюданс! Я планировала прогуляться по рынку и купить экзотических ароматов. Хочу на первой же встрече произвести неотразимое впечатление на Бледного Фебюса.

Тень беспокойства пробежала по лицу молодой бретонки:

– Ты действительно рискнешь гулять одна в незнакомом городе? Поэтому ты в форме оруженосца?

– Пользуюсь последней возможностью поносить ее. И потом, я не собиралась рисковать в одиночку, как ты выразилась. С появлением в моей жизни Франсуазы одиночество мне неведомо. Ты можешь пойти со мной, да и остальные тоже.

Да, они могут спокойно идти со мной, а я могу спокойно их потерять! Таков план, что мы разработали с Клеантом вчера, укрывшись после ужина в моей каюте. Камердинер сошел

⁶⁴ Капернаум – хаотическое нагромождение вещей. Было применено Бальзаком для описания жилых помещений.

⁶⁵ Бастида – средневековый укрепленный город на юге Франции.

⁶⁶ Сбир (устар.) – полицейский стражник, низший служащий инквизиции.

с корабля, как только мы причалили, чтобы связаться с Фрондой по своим каналам; когда я появлюсь на городском рынке, он организует мое неожиданное похищение.

– Хорошо, я тоже пойду, – обрадовалась Прюданс. – Хочу отправить письмо моим дорогим родителям. Скажи, кузина, ты написала им записку, как хотела? Я могла бы положить ее в конверт.

– Вуаля! – я протянула сложенный вчетверо лист бумаги, содержащий двадцать самых нейтральных строчек, в которых благодарила тетюшку Анжелику и дядю Робера за подарок. Несколько вежливых формулировок – то, что нужно, чтобы укрепить положение девушки из хорошей семьи.

– И мне не терпится поглазеть на лавки вместе с Дианой, – весело воскликнула Поппи. – Индийский хлопок значит яркими красками. Присмотрю для себя ослепительный кармин... Нашу милую бретонку вижу в темно-синем... А тебе, Заш, отлично подойдет золотисто-желтый.

Индийский хлопок. Эта легкая набивная ткань с узорами произвела настоящий фурор в Версале. Но Зашари, похоже, не разделял энтузиазма Поппи.

– Идите без меня, – бросил юноша.

– О, почему? – расстроилась англичанка. – Уверена, ты подберешь великолепный наряд на свадьбу Дианы. – Девушка бросила взгляд на Рафаэля. – Ты же не собираешься, подобно Раффи, ходить все время в черном, словно гробовщик... Это так грустно!

– В данном случае – это уместно, – возразил Рафаэль.

Он кивнул на команду матросов на понтоне, соединяющем «Невесту в трауре» и порт. Корсары разгружали длинные мешки, завернутые в белые простыни, – трупы, зашитые в собственные гамаки. Я догадалась: это все, что осталось от тех, кто в течение нескольких недель трансатлантического путешествия служил провизией для офицеров.

– Это... это отвратительно, – содрогнулась Поппи.

– Отвратительно, потому что они – твои земляки? – сухо заметил Зашари.

– Конечно нет, Заш. Какой бы ни была национальность, эти мужчины не заслуживали такой смерти.

Луизианец молча двигал желваками.

– Ты слышала капитана вчера вечером, – продолжил юноша. – Английское судно, захваченное у Азорских островов, принадлежало торговому флоту. Все торговые суда, бороздящие морские пути Атлантики, замешаны в той или иной степени в работоторговле. Эти мужчины, судьбу которых ты оплакиваешь, везли, словно скот, в своих переполненных трюмах сотни черных. Справедливо, когда палачи, в свою очередь, заканчивают жизнь в трюмах. Не рассчитывай на мои слезы. Только рабы заслуживают скорби.

Оруженосец оторвал свой взгляд от понтона и вонзил его в Поппи.

– Что касается индийских тканей, так высоко оцененных тобой, ты спросила себя хоть раз, откуда хлопок? Рабы выращивают его, пока смерть не настигнет их. Здесь, в Америке. Чтобы придворные вроде тебя могли рядиться в них. Ну что ж, хороших покупок, надеюсь, ты подберешь фасончик по душе.

Он развернулся, оставив позади себя побледневшую Поппи.

– Я... я думаю, мне лучше остаться, – пролепетала она, задыхаясь сильнее, чем во время туберкулеза.

Мне хотелось утешить бедную девушку, но я сдержалась. Если она не пойдет на рынок, то мне не нужно будет «терять» ее. Она избавит себя от страданий, а меня от дополнительных хлопот.

– Я тоже не в настроении ходить по рынку, – бросил Рафаэль, глядя, как англичанка шаткой походкой удалялась от нас. – Лучше поброжу вдоль моря.

С невинным видом я кивнула:

– Молодец, что выбрал свежий воздух, а не суету городского рынка. Ха-ха! Если бы не подготовка к свадьбе, я бы тоже так поступила.

Грустный взгляд юноши был мне ответом. Я тут же устыдилась своих слов, поняв их жестокость по отношению к тому, кто никогда не сможет вступить в брак со своим тайным избранником. Рафаэль знал, что я – единственная в Версале, кто был в курсе его запретной любви. Тем более непростительна моя неуклюжесть. Я совершила ошибку, но извинился он.

– Сожалею, что не стал хорошим учителем, – прошептал Рафаэль.

– Учителем? Ты о чем?

– Помнишь, я должен был научить тебя основам испанского во время трансатлантического вояжа, но у меня не было сил.

Зеленые глаза юноши растворились в волне. В эту секунду я почувствовала его желание выговориться. Разозлится ли он, узнав, что я случайно увидела его ссору с Сураджем на постоялом дворе в Нанте? Или с облегчением откроет душу, прислонившись к дружескому плечу? Эти вопросы отпали сами собой: не до личных откровений под взглядами Прюданс и Франсуаза. К тому же время торопило меня.

– Ну ладно, хорошей прогулки, Рафаэль! – сказала я. – До вечера.

Он не ответил, вновь погрузившись в свои мысли.

Я повернулась к мостику, который вел на набережную, Прюданс и Франсуаза двинулись следом за мной.

* * *

Если краски Фор-Руаяля ослепили, то запахи вскружили голову. Нигде они не действовали так опьяняюще, как под аркадами главного рынка – гигантского лабиринта из разномастных мастерских, ларьков, лавок с разноцветными горками душистых пряностей, источавшими сладкие, теплые запахи с волнующими ароматами кофе и черного шоколада. Я разглядывала стеклянные сосуды с пигментами, восторгалась изобилием незнакомых цветов: гардения, плюмерия, гибискус... Широкий шатер раскинулся над ними, подобно крышке над шкатулкой с благовониями.

Меня привлек горшочек с диковинными, упоительно пахнущими зелеными стручками.

– Кардамон, – объяснил лавочник. – Имеет фруктовый, цветочный, пряный вкус, и обратите внимание на свежие нотки камфоры и ментола: превосходно подходит для выпечки, мадемуазель!

– Благодарю, месье, но в стряпне у меня две руки и обе левые.

– В этом случае позвольте вам предложить ранжированный ром. – Он указал на этажерку, заставленную бутылками с экзотическими ингредиентами. – Ананас, имбирь, ваниль, корица: выбирайте на свой вкус! Эти сласти – те же десерты, но их не надо ставить в печь. Хотите попробовать?

Улыбнувшись, я отказалась: суета и шум рынка меня уже порядком опьянили. Прюданс тоже находилась в каком-то гипнотическом трансе. У нее, никогда в жизни не выезжавшей дальше своего городка, разбегались глаза. Франсуаза, наоборот, казалось, ничего не замечала, ни на секунду не отрывая свои темные толстые линзы от моей спины. Продолжая бродить между лавок, я сделала вид, что заинтересовалась индийскими тканями, которые белые торговцы и метисы громко расхваливали. Несмотря на роскошные узоры, я вряд ли могла оценить их красоту после того, как Зашари объяснил, какой ценой доставался хлопок.

– Желаете примерить, мадемуазель? – обратилась ко мне торговка, лучезарно улыбаясь. Она протягивала удивительный наряд из тончайшего батиста, отделанного кружевом, сиреневый цвет плавно переходил в розовый.

– Нет, спасибо, я пришла за благовониями...

– Этот цвет мальвы идеально подойдет к тону вашей кожи. Вы должны его примерить.

Настойчивость в ее голосе заставила меня поднять голову. Напряженного, твердого взгляда незнакомки было достаточно, чтобы догадаться: Фронда прислала ее.

– Действительно, цвет очарователен... – я взяла в руки наряд.

– В эту примерочную, пожалуйста, – пригласила женщина, указав на угол, где свисавшая сверху ткань служила занавеской.

Франсуаза автоматически шагнула за мной, но я ее остановила:

– Здесь нет места для двоих.

Ее стеклянные окуляры осмотрели узкое пространство. Чтобы убедиться, что я не исчезну? Или чтобы ничего не причинило мне вреда? Вероятно, и то и другое. Факультет, похоже, запрограммировал девушку так, чтобы сделать моей компаньонкой и стражником одновременно. Впервые ее слепая преданность странным образом тронула меня. Заставив себя улыбнуться, я коснулась руки дез Эскай, ее кожа была холодной.

– Благодарю за вашу бдительность, Франсуаза. Повезло, что вы присматриваете за мной. Поэтому мне не страшно.

Как только я оказалась в примерочной, торговка быстрым жестом опустила занавеску. Почти в ту же секунду деревянная панель, служившая задней стенкой, повернулась вокруг оси, открыв проход, ловко спрятанный за прилавками.

Там меня ожидал мужчина в соломенной шляпе с широкими полями, тень от которой закрывала его лицо. Он молча подал сигнал следовать за ним. Я исчезла за кулисами главного рынка, удаляясь от него все дальше, оставляя позади Прюданс и Франсуазу, веривших, что я занята примеркой платья.

Где кончается рынок и начинается город? Понять было трудно. Улочки, по которым меня вел мой молчаливый гид, извивались так же, как аллеи базара. Сотни веревок со свежестиранным бельем между окнами закрывали небо. Я истекала потом под кожаным нагрудником, идеально адаптированным к климату Версаля, но не к тропикам. Где-то вдалеке едва различимые звуки барабана эхом повторяли глухой треск глинобитной почвы под моими сапогами.

Свет уходящего дня погас, когда мы спустились по лестнице, пройдя сначала один пролет, затем второй. Ароматы цветов и пряностей исчезли, уступив место затхлому, глинистому запаху: мы находились глубоко в недрах Фор-Руаяль, в сети галерей, тускло освещенных лишь фонарем в моей руке. Я следовала за мужчиной так быстро, как могла, сознавая, что ни за что не найду дороги назад, если потеряю его из виду.

Наконец, мы вошли в подземелье, на стенах которого горели факелы. Внутри находилось не менее дюжины присутствующих, их лица скрывали широкие поля соломенных шляп, такие же, как у моего гида. Танцующие блики огня отражались на шпагах и пистолетах, продетых в пояса. Сердце, обезумевшее от быстрой ходьбы, забилось сильнее: я находилась среди фрондеров Америки!

– Я... я... – взволнованно повторила я, с трудом переводя дух.

– Мы знаем, кто ты, Жанна, – ответил женский голос с певучим акцентом. – Клеант сообщил нам.

Я заметила камердинера в тени той, кто обратился ко мне. Женщина сделала несколько шагов навстречу.

– Я – Зефирина, командующая Народной Фрондой на Мартинике.

Она сняла шляпу. Я увидела чернокожую женщину тридцати лет поразительной красоты. То, что на первый взгляд показалось накидкой, на самом деле было креольским платьем, в открытом декольте которого блестели ожерелья.

– Ну, что ты так на меня уставилась? Думаешь, все черные из колоний рождаются и умирают рабами?

– Нет... Но я не знала, что во Фронде есть женщины-командующие.

Зефирина отрывисто рассмеялась, звеня огромными серебряными кольцами в ушах.

– Этот предрассудок не делает тебе чести. Для Фронды пол и цвет кожи не имеют значения. Главное – быть бесстрашным. Ты и правда такая смелая, как рассказал Клеант?

Не зная, как следует приветствовать командуемую Фрондой, я опустила в придворном реверансе, немедленно вызвав шквал насмешек со стороны мартиниканцев.

– Я подхватила факел борьбы родителей, служивших Фронде. В течение нескольких месяцев разыгрывала роль в Версале, каждый вечер притворяясь той, кем не была.

– Ты играешь роль в роскоши и шелках, – возразила Зефирина. – Те, кто выбрал путь Народной Фронды здесь, на Антильских островах, вознаграждаются лишь сухим хлебом и тайными укрытиями в антисанитарном состоянии, как эта галерея, где мы находимся. Вдобавок мы рискуем жизнью не только по ночам, когда просыпаются кровопийцы губернатора, но и днем, когда за нами охотятся беке⁶⁷ – владельцы плантаций, заинтересованные в сохранении несправедливого порядка Магны Вампирии. Видишь ли, есть вещи намного хуже, чем эксплуатация простолюдинов вампирами, а именно – угнетение людей другими человеческими особями из-за различий в цвете кожи. – Командующая вскинула красивый подбородок, в полумраке ее глаза метали молнии. – Мои братья и сестры – рабы, «проклятые этой земли»⁶⁸, подверглись закону более жестокому, чем Смертный кодекс. Твой король Людовик превратился в чудовище не в момент трансмутации. Он им был и до, когда в 1685 году старой эры промульгировал⁶⁹ Черный кодекс⁷⁰, узаконив рабство в его самой гнусной форме. На основании этого позорного закона смертные хозяева эксплуатировали рабов по своему усмотрению. Бессмертные питались ими вволю, не ограничиваясь десятиной. На протяжении веков невольничьи корабли не переставая поставляли новых рабов взамен погибших – inferнальные машины, ломающие семьи и судьбы.

Мне нечего было ответить на эту беспощадную тираду, которая вторила словам Зашари. До настоящего времени я воспринимала себя как жертву железного порядка, господствующего в мире триста лет. Но Зефирина права: были те, которых нужно жалеть больше. Мне повезло вырасти в любящей семье, почти ни в чем не нуждаясь. Мы подчинялись гнету кровососов, но гнету относительно скрытому законами о десятине и комендантском часе. Я осиротела на пороге взрослой жизни. У миллионов других, закованных в цепи с детства, оторванных не только от своих родителей, но и от родной земли, не было такой привилегии.

– Поэтому я спрашиваю: такая ли ты отважная, как говорят? Поколения за поколением различные ответвления Народной Фронды на Антильских островах выбиваются из сил, саботируя на сушах домены хозяев, неотступно преследуя в морях торговые суда. Проект твоего брака – шанс для нас. Если тебе удастся привлечь Бледного Фебюса на нашу сторону, ты заключишь альянс неопределимого значения, который позволит ослабить плантаторов и перекрыть морские торговые пути. Без каналов сбыта хлопка, выращенного путем преступной эксплуатации, табака, сахара и кофе, хозяева потерпят крах. Восстания рабов распространятся. Порядок, навязанный островам Магной Вампирией, рухнет, и мы сможем объявить ликвидацию режима. Ставки колоссальны. Но перед тем как отдать в твои руки нашу судьбу и добро, хочу удостовериться, что эти руки не дрогнут, когда придет решающий момент. Если Бледный Фебюс действительно захочет надеть кольцо на твой палец, ты пойдешь до конца?

Я выдержала взгляд командуемой со всей решительностью:

⁶⁷ Беке – антильский креольский термин, обозначающий потомков первых европейских (французских) поселенцев на Антильских островах, принадлежавших Франции.

⁶⁸ «Проклятые этой земли» – «Les damnés de la terre» (франц.) – строчка из французского «Интернационала».

⁶⁹ Промульгация закона – официальное провозглашение (обнародование) закона. Право промульгации принадлежит главе государства.

⁷⁰ Черный кодекс – законодательный акт, разработанный и принятый в 1685 г. во Франции для регламентации правового положения рабов.

– Пойду до конца, клянусь. Душой и телом я предана Народной Фронде и готова пожертвовать собой ради нее. Я – лишь инструмент, чтобы служить делу и предотвратить худшее.

– Худшее?

– Господство абсолютное и безраздельное кровопийц над полными сутками.

Я поведала об откровениях Короля, которыми он поделился со мной, рассказала о «El Corazón de la Tierra», припрятанном в сокровищнице военных трофеев капитана пиратов. Гармоничные черты Зефирины исказились, когда я описала драгоценность, высокую опасность которой она оценила безошибочно.

– Последние месяцы осведомители Фронды, внедренные в Новую Испанию, хором сообщали о возросшей активности в королевских шахтах Мексики, – прошептала женщина. – Значит, старатели искали этот алмаз...

– Вы что-то знаете о его природе?

Женщина покачала головой:

– Нет. Но это то, что придает твоей миссии жизненную важность. Можешь рассчитывать на нашу поддержку. И на наши деньги. Шестьдесят тысяч золотом: эта общая сумма добычи, которой владеет Фронда Мартиники, Гваделупы и Кровавого Доминго. Мы можем обратиться к кассе, если придется, чтобы подкупить Бледного Фебюса, но, если твоих аргументов и твоего шарма будет достаточно, эти деньги найдут иное применение, будь уверена. В этих средствах нуждаются многочисленные герилья⁷¹ на островах и на континенте.

– Обещаю сделать все, что в моих силах.

– Отлично. Я вижу перед собой храбрую воительницу, которую разглядел Раймон де Монфокон.

Сердце защемило от тоски. Темная галерея внезапно напомнила подземелье Гранд Эюри, где я оставила де Монфокона, Наоко и Орфео – мою семью по зову сердца.

– Вы с ним знакомы?

– Никогда не встречала, так как океан разделяет нас, но агенты Фронды научились взаимодействовать, даже не зная друг друга. Де Монфокон – один из самых блестящих командующих, и несколько раз мы проводили трансатлантические операции вместе. Например, экстрадицию некоего Пьеро в Америку прошлой зимой.

Упоминание о парнишке, уцелевшем при Дворе Чудес, чрезвычайно взволновало меня. Пьеро здесь! Фронда действительно приняла юного провидца под свое крыло. Ощущение, что я хожу по тем же тропкам, что и он, согрело мне сердце.

– Где Пьеро сейчас? – спросила я.

– Где-то на просторах Американского континента. Предпочитаю не говорить, где именно, ради безопасности его и Фронды. Даже веря всем сердцем в успех твоей миссии, не исключаю вероятности того, что ты можешь попасть в руки врагов. А под пытками – меньше знаешь, меньше скажешь. Что касается Раймона де Монфокона, не старайся связаться с ним, мы сами будем держать его в курсе о ходе твоей миссии. В любом случае к тому времени, когда он получит наши сообщения, месса уже будет отслужена. Клеант предупредил, что этой ночью ты встречаешься с Бледным Фебюсом.

С этими словами командующая протянула руку:

– Фронда благодарит тебя, Жанна Фруаделак.

– Встретимся ли мы когда-нибудь снова, мадам?

– Если вернешься на Мартинику, то сможешь связаться со мной: достаточно на главном рынке настойчиво попросить порошок шафрана. Мои люди проведут тебя ко мне.

Я пылко сжала длинные тонкие пальцы командующей. Она ответила пожатием более крепким.

⁷¹ Герилья – партизанская война.

– Твоя рука... – прошептала она.

– Да? Что случилось?

– Она ледяная.

Зефирина выпустила мои пальцы, в свете факела ее лицо выглядело озадаченным.

– Без сомнения, это Глоток Короля, что течет в моих венах, – предположила я. – Я пригубила кровь тирана, чтобы подняться на ту ступень, где нахожусь сегодня. Такова цена, которую пришлось заплатить.

Женщина покачала головой:

– Нет, дело не в этом или не только в этом. Тьма не просто в тебе: она еще и над тобой, как черное облако. Я ее чувствую.

Затхлый воздух галереи, пропитанный плесенью, внезапно начал душить. Пламя факелов потускнело, словно его накрыла невидимая вуаль, о которой упомянула мартиниканка.

– Вы чувствуете Тьму, что это значит?

– Я обладаю даром ясновидения, – пояснила женщина. Блестящие глаза цвета слоновой кости выделялись на ее темной обсидиановой коже. – Это семейный дар. Он помог мне избежать не одну ловушку. – Зефирина повернулась к одному из своих людей: – Эварист, карты, пожалуйста.

Лейтенант протянул колоду карт с золотыми арабесками⁷² на черных рубашках. В каком-то невероятном калейдоскопе почудилось, что я вернулась в прошлое и снова брожу среди могил кладбища Невинных в Париже.

– Эти карты... Это... Запретное Таро!

– Ты их уже видела?

– Да, но на другой стороне Атлантики, в руках старца, который называл себя Оком Невинных. Как эти карты попали сюда?

– Существует несколько видов Запретного Таро, тщательно оберегаемого от вездесущего Факультета, который хотел бы их уничтожить. Эти передаются в моей семье из поколения в поколение, от матери к дочери, таким же образом, что и дар, о котором я говорила. Давай присядем и посмотрим, что нам скажут арканы.

Без лишних слов женщина одолжила факел у лейтенанта. Привыкшая обустроиваться в самых некомфортных условиях, она запросто опустилась на каменистую землю. И все равно ее осанка оставалась грациозной, ноги элегантно подобранными под широкими складками креольского платья.

Я села рядом. Зефирина разложила карты.

– У нас нет времени на длинный прогноз: с наступлением ночи тебе надо вернуться на корабль. Расклад «Компас» покажет более четкую картину: позволит разглядеть возможности и невидимые угрозы. Выбери пять карт.

Малейшего вздоха не было слышно в глухой шахте. Момент был настолько торжественным, что я задержала дыхание. В прошлом мне довелось испытать на себе удивительную проницательность Запретного Таро. Доверившись инстинкту, я дрожащей рукой указала на пять карт.

Зефирина взяла их, одну положила в центр, а остальные разложила вокруг в форме креста.

– Эта карта представляет тебя, здесь и сейчас, – объяснила женщина, указывая на центральную карту. – Остальные четыре по подобию стрелок компаса символизируют главные силы вокруг тебя. Слева – Прошрое, которое действует на тебя сегодня; справа – Будущее, оказывает давление на твое настоящее; сверху – влияние осознанного на тебя; снизу – влияние тайного, которое стремится изменить твою судьбу без твоего ведома.

⁷² Арабеска – орнамент восточного происхождения.

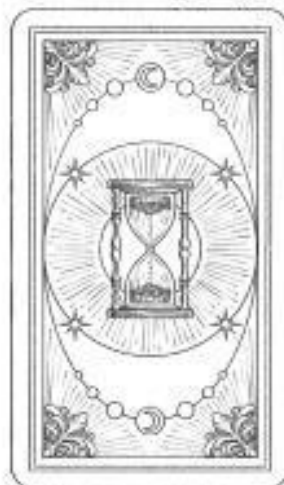
Кончиками пальцев она перевернула центральную карту.

Я не смогла сдержать вздоха испуга. Аркан изображал темный силуэт в капюшоне, когтистые лапы держали ниточки двух жалких марионеток. Золотые, наполовину стертые от времени буквы, блеснули: Тьма.

– Я была права, – глухим голосом произнесла Зефирина. – Тьма окутала тебя.

– Что это значит? Как рассеять ее?

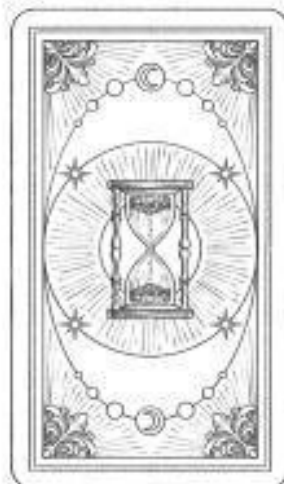
Ключевая фигура

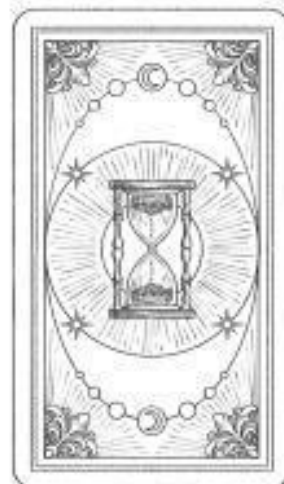
Прошлое

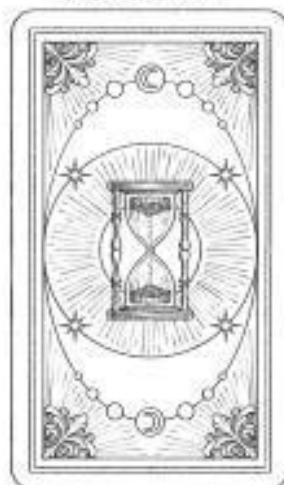
Настоящее

Будущее

Фундамент

Я сгорала от желания рассказать о жутких кошмарах, преследовавших меня в последнее время. Возможно, они были вызваны облаком Тьмы, которое, по мнению мартиниканки, окружало меня. Но я промолчала, потому что пришлось бы признаться: дурман стал незаменим, чтобы найти покой по ночам.

Голос Зефирины ледяным эхом вторил моим мыслям:

– В раскладах Тьма символизирует связи, которые нам мешают, нас связывают и ограничивают. Импульсы, которые управляют нами. Зависимости, чьими жертвами мы становимся. Ты понимаешь, о чем может идти речь?

– Пока не очень хорошо.

Я отвела глаза. Шарик не одурманивали меня так, как когда-то Поппи. Уверена, что смогу в любой момент, когда захочу, бросить их. И командующей не обязательно знать, чем временно я помогала себе.

– Тьма также может стать отражением наших демонов, – продолжала настаивать женщина. – Постыдные вещи, которые мы подавляем, скрываем. Та часть зла, которая, если ее не вырвать с корнем, разест нас изнутри, как раковая опухоль.

Все больше и больше становилось не по себе. Часть злого... во мне? Но было одно воспоминание, которое я действительно старалась забыть: встреча с парижскими упырями в слизком чреве столицы. Когда мерзость собралась сожрать меня, я неожиданно для себя поняла их рычание: они говорили со мной. Каким же образом я сумела расшифровать его? До сих пор у меня не было ответа, как и желания думать об этом.

– Ваши пояснения мне ни о чем не говорят, мадам, – притворилась я. – Не желая каламбурить, признаюсь, что карта Тьма погружает меня в совершенную темноту.

– Хм... Посмотрим, что скажут другие арканы.

Зефирина перевернула карту слева, ту, что обозначала Прошлое. Скелет с косой. Затхлый воздух подвала начал душить меня.

– Смерть... Еще его называют Безымянный Аркан. – Я содрогнулась, с трудом дыша. – Такая уже появлялась в моем раскладе шесть месяцев назад в Париже. Я надеялась, что все осталось в прошлом.

– Вспомни, что я тебе говорила: в раскладе «Компас» Прошлое влияет на Настоящее. Безымянный Аркан продолжает следовать за тобой, так нам говорят Таро. С чем или с кем он раньше ассоциировался у тебя?

– С упырями – пожирателями трупов... С Дамой Чудес, приносящей смерть... С Парижем, замурованном в самом себе на протяжении столетий, словно запечатанный склеп.

– И это все? Подумай еще. Есть ли что-либо в Париже, что могло бы преследовать тебя до Вест-Индии? Тень прошлого, которое вернется однажды?

Глагол «вернуться» отвратительно щелкнул в голове:

– Тристан, – прохрипела я. – Я соотношу Безымянный Аркан с Тристаном!

Зефирина нахмурилась:

– Кто это – Тристан?

– Один из активных заговорщиков семьи де Ля Ронсьер из Фронды принцев, которая по всем пунктам противоположна Народной Фронде. Я убила юношу на испытаниях за «Глоток Короля» прошлой осенью. Уцелевшие заговорщики воскресили его, чтобы он отомстил мне. Они вшили локон моих волос в алхимическое сердце Тристана. – Я с трудом сглотнула, воскресив в памяти последнюю встречу с юношей, которого когда-то любила: немой труп без головы, целиком настроенный на мое разрушение под влиянием зловещих сил. – Тот монстр, в которого превратился Тристан, попытался убить меня в Париже в декабре, но у него не вышло. Я видела, как его уносила Сена, затаенная льдом. Мистический вождь заговорщиков, сеньор Серпан заверил меня, что призраки всегда возвращаются. До тех пор, пока не исполнят свою черную миссию.

Я провела подушечкой указательного пальца по Безымянному Аркану. Словно желала толкнуть душу де Ля Ронсьера в лимб⁷³, откуда он никогда не должен был выбираться. Словно изгоняла абсолютное зло, каким он стал.

– С тех пор я не слышала разговоров о Тристане. И вот он возвращается сейчас сюда, за тысячу лье от того места, где я его видела в последний раз? Это лишено всякого смысла.

– Напротив, в этом и есть смысл, – возразила Зефирина. – За укрытием стен Версаля, там, где Факультет и инквизиторы всемогущи, привидение не могло до тебя добраться. Но это существо, созданное с помощью самой извращенной магии, умеет дожидаться своего часа. Тех, что ты называешь призраками, здесь, на Антильских островах, мы зовем «зомби». Они – продукт порочных экспериментов, проводимых алхимиками, одержимыми идеей манипулировать Тьмой. У такой нечисти впереди вечность. Они обладают инстинктом более мощным, чем магнит, который навсегда связывает их со своей целью. – Горящий взор командующей обжигал. – Возможно, в этот самый момент, когда я разговариваю с тобой, привидение уже в пути, идет по дну океана. А может, даже здесь, на островах, прибыло на корабле вслед за твоим.

Не знаю, какой образ страшил меня больше: тело без головы, медленно бредущее в вечной ночи морской бездны, или тот же монстр на суше, всего в нескольких кабельтовых⁷⁴ от меня. Что, если он сейчас выпрыгнет из тех темных галерей, ведущих в шахту, где я нахожусь? Воздух подземелья душил все сильнее.

– Тебе необходима мощная защита, – заявила Зефирина. – Держи.

Она сняла одно из своих многочисленных коле: кожаный шнурок, на конце которого висел серебряный амулет в форме глаза. Как только он оказался на моей шее, сразу стало легче дышать.

– Что это?

– Талисман против дурного глаза. Тот или та, кто его носит, на короткое время становится неуязвимым для проклятия, на него направленного. Таким образом, ты станешь невидима для сверхъестественного чутья привидения, и он потеряет твой след. Носи его на шее возле сердца, потому что оно маскирует сердцебиение. Но время поджимает. Давай посмотрим третью карту: Ключевая фигура – твое настоящее.

Зефирина перевернула карту, открыв изображение молодого вампира, покидающего свой гроб. Я заметила, что солнце еще не село за его спиной: нечисть неосмотрительно вышла слишком рано, рискуя сгореть.

– Шут, – объяснила женщина. – Карта начинаний, готовность к риску. Твоя миссия не лишена их.

– Это ни о чем не говорит, – заметила я.

– Карта Ключевой фигуры представляет влияние сознательного. Это нормально, что она тебя не удивляет. Шут должен побудить тебя стать еще более осмотрительной, осторожной. Давай лучше посмотрим на карту Фундамента, ту, что снизу, вот она могла бы удивить тебя.

Командующая открыла предпоследнюю карту. Сначала я подумала, что карта перевернута, потому что персонаж, изображенный на ней, висел вверх ногами. Но быстро сообразила, что на самом деле он повешен на дереве за ногу. Такую одежду, которая была на нем, я никогда раньше не видела.

– Повешенный, – прошептала командующая. – Карта жертв.

– Я вам говорила и повторю еще раз: я готова пожертвовать собой, чтобы завербовать Бледного Фебюса в Фронду. Я предложу ему свою руку.

– Повешенный означает жертву более радикальную, чем твоя рука, какой бы желанной она ни была.

⁷³ Лимб – в католицизме место пребывания не попавших в рай душ. Не совпадает с адом или чистилищем.

⁷⁴ Кабельтов – морская мера длины: 185,2 м.

– Если это не рука, тогда моя... жизнь?

– Может быть. Не знаю. Положение Повешенного в этом раскладе в качестве Фундамента означает, что объект жертвоприношения еще неизвестен. Чем ты должна пожертвовать, Жанна? Подумай хорошо.

Зефирина переключилась на пятую и последнюю карту, карту Будущего, ту, что справа. Когда она ее открыла, мы увидели земной шар, окруженный двумя гигантскими руками. Я заметила, как пламя факелов задрожало, бросая фантасмагорические тени на стены шахты.

– Мир, – произнесла командующая бесцветным голосом. – Последний аркан из двадцати двух главных. – Кульминация Запретного Таро и также, метафорически, окончание битвы между Светом и Тьмой.

– То есть исход всей этой авантюры будет счастливым?

– Посмотри на карту внимательнее. Она вышла из перевернутой позиции.

Ключевая фигура

Прошлое

Настоящее

Будущее

Фундамент

В самом деле, название аркана было написано наоборот. Одна из рук, сияющая, находилась снизу. Вторая, демонстрируя крючковатые когти, нависла над планетой, угрожая ее раздавить. Жуткая вампирическая рука накрыла Землю тенью: черным облаком, космическим, вечной ночью.

– Победа Тьмы над миром и над твоим сердцем... – прошептала командующая.

Отблеск факелов углубил тени на щеках женщины, подчеркнул мешки под глазами – неожиданно проступившие признаки усталости. Как будто Зефирина внезапно утомилась от борьбы, которую вела в течение многих лет, от войны, в которой поколения фрондеров сражались до нее.

– Это невозможно! – возмутилась я. – Переворачивая, вы, должно быть, нечаянно передвинули карту. Позвольте мне вытянуть еще одну.

Я протянула руку к колоде, но Зефирина перехватила мое запястье:

– Прекрати! Ты должна уважать оракула Запретного Таро, даже если его расклад не нравится.

– Уважать оракула? Когда каждая карта отвратительнее предыдущей?

– Это тебе и предстоит выяснить. Каждый расклад – подарок, даже если он горек, как пепел. Сегодняшний тоже поставил меня в тупик, как и тебя. Возможно, ты найдешь к нему ключ.

Над нашими головами прокатилось приглушенное тяжелое эхо. Металлические удары, будто в крышку гроба кто-то заколачивал гвозди.

– Звуки набата! – воскликнула командующая Фрондой. Она собрала карты и грациозно поднялась. Ее люди оживились, готовясь к эвакуации. – Возвращайся скорее к своей судьбе и на корабль, пока губернатор не перевернул весь остров, чтобы найти тебя.

8

Предложение

Я мчалась по темным улочкам, оглушенная стрекотом сверчков, оживших с наступлением сумерек.

Вдалеке, в темноте тропической ночи, отяжелевшей от пьянящего аромата цветков плюмерии, показались танцующие огоньки гавани. Клеант проводил меня до подступов к бухте, а после свернул на другой путь: на «Невесту в трауре» мы решили возвращаться разными дорогами, чтобы не вызвать подозрений. Попутно я видела, как закрывались последние ставни, запирались последние двери. Начался комендантский час. В метрополиях тропиков наступление ночи – синоним добровольного заточения простолюдинов до утра. Если только случится так, что утро никогда не наступит... Последняя карта расклада «Тьма, накрывшая Мир» не давала мне покоя. Что она означает? Что моя миссия обречена на провал и Бледный Фебюс перейдет на сторону Нетленного? Или еще хуже: что тирану удастся наложить вампирическую руку на «El Corazón de la Tierra», тем самым завершить свой коварный план по покорению дня и своей тенью поглотить планету? А если послание карты более личное, роковое, означающее, что я уступлю Тьме... став вампиром через кровь Короля? Нет, это невозможно! Я – дочь фрондеров, мое место навсегда на стороне Света!

«В период ухаживаний мужчины – апрель, а после свадьбы – декабрь»⁷⁵, неожиданно близко прошептал чей-то голос, разорвав нить моих мыслей.

Я испуганно развернулась. Все чувства разом обострились, спина под нагрудником мгновенно взмокла. На углу улочки стояла тень, свет луны не достигал ее.

– Кто говорит? – прокричала я, схватившись за кинжал из смертоносного серебра у пояса.

– Бард, – ответил голос, странно знакомый.

– Бард? Какой бард?

– Единственный и неповторимый: Уильям Шекспир. Я же лишь скромный его выразитель.

Человек вышел из тени. Сначала показался бархатный жюстокор⁷⁶ антрацитового цвета. Потом в свете луны я увидела гребень черных волос, высокие точеные скулы. Едва заметная улыбка тронула губы, сжимавшие зубочистку.

– Лорд Стерлинг Рейданст! – ахнула я.

Потому что это был действительно он, странный атташе⁷⁷ посольства Англии, с которым я познакомилась шесть месяцев назад в Париже. Бессмертный, увлеченный театром; юноша, для которого мир – большая сцена; глумящийся даже над своим вампирством – свидетельством тому английская булавка из серебра, обжигающая мочку его левого уха, и эта деревянная зубочистка, которую вампир постоянно жевал, он, давно забывший о твердой пище. Панк, анархист: вот кем он сам себя считал. Брошенные жизнью в хаос Города Теней, мы объединились, чтобы найти Даму Чудес, перед тем как ветер судьбы разлучил нас.

– Что ты делаешь здесь, на Мартинике, вдали от старого континента? – прошептала я.

Юноша вынул зубочистку и засунул ее за ухо.

– Пришел помешать тебе совершить ошибку жизни, Диана де Гастефриш.

⁷⁵ Цитата из комедии «Как вам это понравится» У. Шекспира.

⁷⁶ Жюстокор – длинный мужской кафтан, сшитый по фигуре, без воротника, с короткими рукавами с карманами.

⁷⁷ Атташе – должность или ранг дипломатического работника.

Проблема со Стерлингом в том, что никогда не знаешь – шутит ли он или говорит серьезно. Его постоянно ироничный вид выводил из себя. Цинизм это или трезвость ума? Понять мне так и не удалось.

– Помешать мне совершить ошибку жизни? Фраза, достойная бульварного романа за четыре су.

– Поэтому предпочитаю цитировать Шекспира. За прошедшие четыре столетия не нашлось лучших слов, чтобы выразить абсурдность человеческого существования. Кстати, фраза, которую я произнес, взята из комедии «Как вам это понравится?».

Я, в свою очередь, не удержалась от ироничной улыбки:

– Каков предполагаемый смысл данного пассажа, собственно говоря? Что до брака мужчины ласковы, как весна, а после холодны, как зима?

– Уауля! Ты сама все поняла. У тебя душа поэтессы.

– И ты, наглец, подвергаешь сомнению союз, освященный самим Королем Тьмы?

Стерлинг не знал о моей службе в Народной Фронде: в его глазах я абсолютно предана Нетленному. На пристани наблюдалось оживление: вне всякого сомнения, офицеры готовили облаву, чтобы отыскать любимую подопечную Короля. В домах, расположенных на возвышенностях Фор-Руаяля, над скромными лачугами с закрытыми ставнями, загорелись окна – богатые жилища хозяев, вампиров и благородных смертных, которые владели плантациями.

– Извини, но мне нужно идти. Благодарю за совет: если Бледный Фебюс, женившись, окажется ледышкой, я просто потеплее оденусь.

Я хотела пройти мимо юноши, но он, взяв меня за руку, потянул в глухое место, темный тупик, откуда только что вынырнул. Огни порта исчезли, как и приглушенный рокот готовящейся облавы. В темной одежде при свете луны Стерлинг напоминал контур человека в нимбе. Удары моего сердца участились, его же не билось вовсе.

– Подожди, Диана, – прошептал он. – Я не закончил цитату: Девушка – май, пока она девственна, как станет женой – погода изменится⁷⁸.

Я вырвалась из его рук, ощущая смутную тревогу.

– Собираешься перечислить все месяцы календаря?

– А ты собираешься послушать меня, вместо того чтобы делать то, что тебе велели?

Ну, это уже слишком!

– Позволь тебе объяснить, – начала я. – Я – не дева и уж тем более не май. Я – октябрь, а если точнее – 31-е число, дата, когда пригубила Глоток Короля. Скоро, в ночь моей свадьбы, когда стану герцогиней, я отопью из кувшинов, заполненных королевской кровью. А теперь прочь с дороги, мелкая сошка из посольства Англии!

Слова о собственной трансмутации ужаснули меня, но Стерлинг не должен догадаться о том, что на самом деле я не позволю и капли королевской крови пролиться в мое тело.

Жесткий взгляд сменил улыбку на его лице:

– Это то, чего ты хочешь: достичь бессмертия, как все лизоблюды мертвых в Версале? Думал, ты другая.

– Значит, ты плохо разбираешься в людях. А теперь дай пройти, меня ждут на корабле, чтобы отправиться к будущему супругу.

Но англичанин не двигался. Напротив, подошел ко мне еще ближе, его ледяная вампирическая аура приятно охлаждала липкое тепло тропической ночи. С вершины города донесся душераздирающий вопль: жертва, опрометчиво оказавшаяся на улице после комендантского часа, или раб, которому негде укрыться?

– Вспомни, что я сказал тебе в Париже, прошлой зимой, – прошептал Стерлинг. Юноша стоял так близко, что я бы почувствовала его дыхание на лбу, если бы он дышал. – Ты хочешь

⁷⁸ Цитата из комедии «Как вам это понравится» У. Шекспира.

вечной жизни? Я сам могу предложить ее тебе. Этой ночью мы отправимся на ближайшие английские острова. В глубине бухты нас ждет маленький парусник, еще до рассвета мы прибудем на Барбадос. Там я обескровлю тебя и наполню своей кровью. Что ты скажешь на это?

Влажный воздух, пресыщенный сладкими экзотическими ароматами, внезапно стал удушливым. В крошечной темноте переулочка тускло поблескивали три точки: английская булава в ухе лорда и два острых кончика его клыков цвета слоновой кости. Я выхватила кинжал из смертоносного серебра, его лезвие тоже поймало отблеск лунного света.

– Ты очень самонадеян, Стерлинг Рейндаст, если считаешь, что молодая вампирическая жидкость ценнее многовековой крови самого могущественного из всех бессмертных! Думаешь, я настолько глупа, что променяю ее на твою?

– Я предлагаю тебе не только кровь. Я предлагаю свободу. Король вновь воспользуется тобой как вульгарной наживкой. Не надоело? Тогда он использовал тебя, чтобы заманить Даму Чудес в Париж, а сейчас, чтобы женить Бледного Фебюса. Эта игра бесконечна. Если пойдешь со мной, то освободишься от покровительства «самого могущественного из бессмертных», как ты выразилась, который, помимо прочего, еще и самый деспотичный.

Я не сдержала нервного смеха:

– Уйти из-под покровительства Короля Тьмы, чтобы оказаться под опекой Королевы Глупцов? В этом состоит твоё предложение?

Репутация страдающей от слабоумия вице-королевы Анны Стюарт печально известна. По некоторым сведениям, которые доходили до меня, на Британских островах происходит неконтролируемое размножение живых мертвецов, не имеющее аналогов на континенте. Кроме того, вероятно, в английском вице-королевстве серьезные проблемы, раз оно выбирает в дипломаты таких эксцентриков, как лорд Рейндаст. Кто знает, каковы истинные амбиции непредсказуемого персонажа, который изъясняется афоризмами и тирадами? В Париже Стерлинг как-то признался мне в своих разочарованных взглядах на этот безнадежный мир, безвозвратно обреченный на гибель во Тьме; о своем желании распространять хаос, чтобы конец наступил при звуках какофонии, а не в гробовой тишине. Со своей стороны, я никогда не делилась своим видением мира, где Свет непременно одержит победу над Тьмой. Но сейчас не время рассуждать об этом, особенно после мрачного расклада Запретного Таро, который, кажется, заведомо поддержал версию событий Рейндаста, а не мою.

– Представляю, какой это подвиг для дипломата: подопечная Короля перешла на сторону его врага, – вспыхнула я. – Особенно накануне брачной ночи, разрушив все планы по альянсу между Францией и Бледным Фебюсом. Тебя, вне всякого сомнения, продвинули бы по службе, наградили должностью посла и даже, возможно, министра.

– Ты знаешь, что должности и почести меня не интересуют, – возмутился Стерлинг.

– Нет, не знаю. Вижу только то, что ты хочешь показать. Чтобы я доверилась тому, для кого весь мир – театр? Актеру, меняющему роли как перчатки?

– Моя забота о тебе – не роль, взбалмошная девчонка. Следуй за мной! Это приказ.

Он сделал шаг вперед, чтобы сократить расстояние между нами, но я преградила ему путь, выставив острие кинжала:

– Назад!

Не обращая внимания на мое предупреждение, его рука ловко сомкнулась на моем правом запястье – в ледяной хватке не было места нежности, только надменность кровопийцы, считающего, что смертные – это скот, который нужно подгонять палками.

Напрасно я пыталась освободиться, сверхчеловеческая сила лорда намного превышала мою, он продолжал сжимать мне руку, заставляя выронить кинжал.

Ну что ж!

Я резко раскрыла пальцы правой руки, позволяя оружию выскользнуть из потной ладони... только чтобы вновь подхватить ее свободной левой рукой. В стремительном порыве

я подалась вперед, уколов острием кинжала соперника. Я не собиралась наносить ему смертельного удара, нужно было выиграть время, чтобы убежать. Клинок из смертоносного серебра глубоко ранил вампира в плечо, заставив его вскрикнуть от неожиданности.

Тиски его хватки ослабли.

Я высвободилась из его рук и помчалась по улочке, навстречу огням гавани.

* * *

– Диана! Я умираю от страха! – закричала Прюданс в тот момент, когда я ступила на палубу «Невесты в трауре».

В свете фонарей на мачтах корабля лицо молодой бретонки было бледным как полотно. Франсуаза держалась рядом. Ее безучастность контрастировала с волнением кузины.

– Где ты была? – допытывалась Прюданс. – Мы тебя оставили на несколько минут в примерочной и не увидели, как ты вышла. Мы даже заглянули за занавеску, чтобы посмотреть, не нужна ли тебе помощь. Только тебя там уже не было, и торговка, воспользовавшись тем, что мы повернулись к ней спиной, сбежала.

– Бандиты похитили меня, та торговка, без сомнений, была с ними в сговоре, – солгала я, потирая лоб тыльной стороной ладони.

– Бандиты! – ужаснулась Прюданс, на ее щеках горели веснушки. – Они же могли убить тебя! Это... это то, о чем я подумала, когда увидела, что Франсуаза вернулась ни с чем.

Я заметила, что выходное платье бывшей одноклассницы было мятым. Должно быть, она сильно волновалась, когда обнаружила мое исчезновение.

– У Франсуазы очень сильная потребность оберегать тебя, – прошептала Прюданс. – При поисках она из кожи вон лезла. И я подумала о худшем, когда девушка вернулась одна. Куда бандиты утащили тебя?

– Куда-то в город, не знаю точно. Я не видела их лиц, все были в масках. Думаю, они намеревались потребовать выкуп. Но мне удалось бежать. Успокойся, дорогая Прюданс, я отделалась легким испугом.

– Легким испугом, да? – произнес голос за спиной.

Я развернулась, чтобы увидеть де Рокайя, вышедшего со второй палубы. Его единственный глаз буравил меня, как никогда.

– По-моему, вы совсем не выглядите испуганной для заложницы, едва пережившей самое худшее.

– Служба Королю Тьмы научила меня смотреть опасности прямо в глаза, не моргая.

Единственный глаз Гиацинта тоже не моргал.

– И все-таки странно, что воительница, да еще такая опытная, позволила индийским тряпкам вскружить себе голову. Увидели красивое платье и потеряли самообладание до такой степени, что дали себя похитить? Вы ни за что бы так не поступили, если бы не острое желание оторваться от цербера в образе вашей свиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.